

Российская ассоциация
международных исследований (РАМИ)

Материалы
VII Конвента РАМИ

**СРАВНИТЕЛЬНАЯ
ПОЛИТОЛОГИЯ:**
**трансформация мирового порядка,
региональных режимов
и государственности**

28–29 сентября 2012 г.
МГИМО-Университет

АСПЕКТ ПРЕСС
Москва
2013

Издательство
«МГИМО-Университет»
Москва
2013

УДК 327
ББК 66.4
С75

С75 **Сравнительная политология: трансформации мирового порядка, региональных режимов и государственности** (Материалы VII Конвента РАМИ, сентябрь 2012 г.): Научное издание / Под ред. О. В. Гаман-Голутвиной, И. Ю. Окунева. — ЗАО Издательство «Аспект Пресс», Издательство «МГИМО-Университет», 2013. — 108 с.

ISBN 978–5–7567–0708–3

Издание представляет собой сборник статей, подготовленных участниками специальной секции Российской ассоциации политической науки, которая состоялась в рамках VII Конвента РАМИ 28–29 сентября 2012 г. Публикация отражает спектр проблем, которые обсуждались в ходе секции.

УДК 327
ББК 66.4

РАМИ не несет ответственности за содержание статей. Мнение авторов не обязательно совпадает с точкой зрения Исполнительной дирекции и Руководящего совета РАМИ. Со всеми материалами VII Конвента можно ознакомиться на сайте Ассоциации www.risa.ru.

ISBN 978–5–7567–0708–3

© МГИМО (У) МИД России, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Вместо предисловия</i>	5
<i>О. В. Гаман-Голутвина. Современные подходы к пониманию феномена политической профессионализации</i>	7
<i>М. В. Ильин. Волны трансформации мирового порядка: 1970–2000-е годы</i>	17
<i>И. Ю. Окунев. Политико-географические аспекты государственности</i>	23
<i>Ю. В. Ирхин. Конфуцианская цивилизация и вызовы XXI века</i>	35
<i>И. В. Кудряшова. Ближний Восток: логика и перспективы режимных трансформаций (2010–2012 гг.)</i>	46
<i>Н. С. Протопопова. Особенности формирования правящих элит стран Арабского Востока (на примере Египта)</i>	62
<i>О. Г. Харитоновна. Институциональные факторы постсоветских политических режимов</i>	70
<i>А. А. Токарев. Специфика производства общественных благ на Украине и в Грузии в 1991–2012 годах</i>	82
<i>Е. А. Клочко. Латиноамериканская модель федерализма: особенности и риски</i>	92
<i>Т. В. Бочкарев. О кризисном управлении политическими процессами</i>	97
Об авторах	107

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

28–29 сентября Кафедра сравнительной политологии МГИМО при участии Российской ассоциации политической науки (РАПН) провела в рамках VII Конвента РАМИ специальную секцию «Ресурсы модернизации: возможности и пределы международного контекста».

Проведение подобного формата стало новшеством для конвентов и подтвердило высокий уровень взаимодействия между двумя профессиональными ассоциациями — РАПН и РАМИ.

В рамках секции прозвучали доклады исследователей из России (МГИМО, НИУ ВШЭ, РАНХиГС) и Белоруссии (БТЭУ), представителей различных федеральных министерств и ведомств, СМИ и целого ряда экономических структур.

Дискуссия на секции развернулась вокруг нескольких смысловых блоков. Первый был посвящен теоретическим аспектам суверенитета и государственности. Продолжая разработку этой традиционной для кафедры сравнительной политологии тематики, выступили старший преподаватель И. Ю. Окунев с размышлениями о политико-географических основаниях государственности и аспирант Д. Баринова с исследованием функциональной конфигурации роли государства в Интернете на примере национальных доменов.

В работе секции значительное внимание было уделено процессам трансформации как на глобальном, так и на региональном уровне. Профессор М. В. Ильин рассказал о новых методологических подходах, которые он использует в своем исследовании волн трансформации мирового порядка начиная с 70-х годов XX в., а аспирант НИУ ВШЭ Т. В. Бочкарев представил выводы изысканий в области кризисного управления политическими процессами в эпоху глобализации.

Ученые также рассмотрели широкий спектр региональных кейсов трансформаций: в Китае — через изменения в геополитическом позиционировании конфуцианской цивилизации (профессор Ю. В. Ирхин), в США — на примере изменений в структуре американской политической элиты накануне предстоящего избирательного цикла (аспирант О. А. Фролова), в Латинской Америке — сквозь призму по-

Вместо предисловия

литических рисков, возникающих в ходе реформ административно-территориального устройства стран региона (аспирант Е. А. Клочко).

Более детальное внимание было уделено региону арабского Востока, трансформации в котором рассматривались с точки зрения как режимных трансформаций (доцент И. В. Кудряшова), так и изменений в формировании правящих элит (аспирант Н. С. Протопопова).

Наконец, отдельный блок секции был посвящен процессам на постсоветском пространстве. Профессор Н. И. Никитин поднял вопрос о целесообразности усиления миротворческого потенциала ОДКБ в разрешении конфликтов не только на постсоветском пространстве, но и за его пределами. Профессор В. С. Бондаренко рассмотрел трансформацию политического режима и внешней политики Белоруссии, а аспирант А. А. Токарев рассказал о процессе производства общественных благ на Украине и в Грузии после обретения ими независимости.

В предлагаемом сборнике собраны основные материалы секции, которые, надеемся, будут интересны как профессионалам в области политологии, так и широкому кругу специалистов в области социально-гуманитарного знания.

Модераторы секции «Сравнительная политология»

доктор политических наук, профессор

О. В. Гаман-Голутвина,

кандидат политических наук, старший преподаватель

И. Ю. Окунев

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ФЕНОМЕНА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ

*П*олитическая профессионализация — многоаспектный феномен, непросто поддающийся интерпретации¹ в силу многосоставного характера политического класса, включающего функционально отличные категории лиц, которые должны соответствовать различным профессиональным стандартам. Методологическим основанием подхода к анализу политической профессионализации может быть понятие профессионализации, сложившееся в рамках социологии науки. Так, Д. Бивер и Р. Розен предложили следующее определение: «Профессионализация характеризует динамический организационный процесс, который способствует объединению индивидуумов в группы в соответствии с определенными качествами и свойствами — качествами как исключаящими из состава группы, так и способствующими включению в нее. Таким образом, профессионализация определяет правила, права и алгоритмы доступа, способствует сплочению индивидов в группу индивидов и выделению группы из большого общества»². Конкретизируя это определение применительно к политической сфере, известный немецкий политический социолог Х. Бест полагает, что склонность к некоторой социальной закрытости, формирование или возникновение различий между инсайдерами и аутсайдерами, определенная локализация в социальном контексте, меры по защите карьеры и аккумуляция привилегий определяют существо феномена политической профессионализации³.

В качестве референтной для анализа процесса профессионализации может быть рассмотрена концепция аккумуляции преимуществ Р. Мертона: аккумуляция преимуществ происходит тогда, когда индивидуум или группа обретают ресурсы и вознаграждения, в возрастающем масштабе способствующие их обогащению и соответственно обеднению тех, кто не имеет доступа к данным благам. Независимо от критериев получения ресурсов и вознаграждений, а также от их харак-

тера — аскриптивного или меритократического — процесс способствует формированию элиты и в конечном счете производит четко дифференцированную систему стратификации⁴.

Исходя из этих теоретических предпосылок Х. Бест предлагает следующие принципы анализа профессионализации политической сферы: 1) наиболее релевантным подходом к изучению политической профессионализации и формированию политического класса является исследование последующего за режимными изменениями периода (который обычно сопровождается полной или частичной заменой прежней элиты); 2) политическая профессионализация невозможна без определенной стабильности политических карьер; 3) политический класс не может состояться без определенного контроля над его составом и ротацией, происходящей помимо ухода по естественным причинам; 4) политический класс не может состояться без формирования определенных отличающих его черт и неформальных «входных» критериев, которые отличают инсайдеров от аутсайдеров⁵.

Еще одной попыткой идентифицировать политический класс была предложенная Й. Мизелем *C-формула* «*consciousness, coherence, conspiracy*» («сознание, сплоченность, кооперация»)⁶. Представляется, однако, что эта концепция переоценивает степень сплоченности политического класса: последний настолько разнороден, что говорить о его сплоченности чрезвычайно трудно.

Иной подход предлагает известный немецкий исследователь К. фон Бойме. Если кратко суммировать позицию К. фон Бойме, то она такова: политический класс как понятие шире, чем термин «политическая элита», поскольку включает также «заднескамеечников». С другой стороны, он уже, поскольку политическая элита включает также таких неправительственных акторов, как администраторы, медиаперсоны и лидеры групп интересов.

К. фон Бойме выделяет четыре отличия элиты и политического класса:

«1. Термин «элита» — более широкий концепт, используемый в исследованиях лидерства. Он вбирает в себя экономические, культурные, медиаэлиты в той мере, в которой они влияют на политический процесс. Только в одном отношении понятие «элита» является более узким. Политический класс включает всех тех политиков, которые разделяют привилегии элиты, — даже если они оказывают минимальное

влияние на процесс принятия решений. Политическая элита должна сотрудничать со всеми элитными группами в целях поддержания своей управленческой способности. Политический класс, напротив, лишь изредка может кооперироваться с иными секторами для расширения своих привилегий... Политическая элита действует от имени третьей стороны — общества. Политический же класс — лишь от своего имени. Политический класс нуждается в определенной автономии от своих избирателей, развивает ее посредством принимаемых решений на периферии процесса принятия решений (законы относительно вознаграждения политиков и финансирования партий) и стремится усилить свое влияние в других социальных сферах посредством проникновения на лидерские позиции в сферах массмедиа и государственной экономики. Политический класс не может мобилизовать избирателей для принятия решений относительно его привилегий, тогда как политическая элита может это сделать для принятия важных решений по различным вопросам политики.

2. Политический класс включает также «заднескамеечников», которые лишь незначительно вовлечены в процесс принятия важных решений. В рамках элиты «заднескамеечники» играют еще более незначительную роль вследствие иерархичности процесса принятия решений. Однако «заднескамеечники» выступают драйвером мер, направленных на защиту привилегий «эгалитарного» политического класса. Элиты мотивированы в основном политически, тогда как политический класс мотивирован своими экономическими интересами и интересами безопасности...

3. Изменения в рекрутировании и социализации обеих лидерских групп представляют собой в значительной мере продукт неуправляемого социального развития. Партии стремятся управлять этим процессом посредством введения квот и регулирования рекрутинга в избирательных округах — обычно с незначительным успехом... Политический класс включает также оппозиционные партии в той мере, в какой они остаются лояльными конституционному порядку... Политические элиты связаны разделяемыми правилами игры...

4. Изучение политических элит и политического класса отличается по методу рассмотрения. Позиционный метод — наиболее экономичен: он идентифицирует элиты как высший слой управленцев. Однако изучение процесса принятия решений показывает, что немалая часть

решений принимается теми, кто не занимает официальных постов. Позиционный метод более полезен для изучения политического класса, парламентариев, высших администраторов»⁷.

Данная аргументация включает целый ряд важных характеристик, однако представляется, что принципиальная позиция К. фон Бойме относительно соотношения политического класса и политической элиты как представляющих собой частично пересекающиеся круги, нуждается в уточнении. Полагаем, что структура политического класса представляет собой концентрические круги, окружающие ядро, в качестве которого выступает политическая элита. Последняя являет собой многосоставное образование, включая высший эшелон исполнительной, законодательной и судебной властей; участвующих в политике влиятельных предпринимателей; немногочисленных в современном обществе представителей аристократии; экспертов высокого уровня; немногочисленных влиятельных представителей медиасферы. В качестве «спутников», располагающихся на окружающих ядро орбитах, выступают различные категории политического класса: управленческая бюрократия среднего уровня — центральная, региональная и местная; политические эксперты; политические консультанты; политические технологи; партийные функционеры; профессиональные лоббисты; высший эшелон групп давления; политические журналисты. Доминирование той или иной категории определяется политической конфигурацией государства (формой правления, политической системой, политическим режимом), историческими традициями политического развития. Знание состава политического класса информативно: он многое может дать для понимания сущности политического режима. При этом границы самого политического класса размыты⁸, а границы между его отдельными категориями предельно подвижны. Общность политического класса и политической элиты определяется их локализацией в сфере политики; в качестве критерия их различения выступают их функции в процессе принятия решений: политическая элита является непосредственным субъектом принятия решений, тогда как в задачи политического класса входит сопровождение этого процесса.

Позиция К. фон Бойме справедливо подвергалась критике в литературе также в связи с тем, что используя термин «государство», он имел в виду «партийное государство», т.е. модель западноевропейской политики XX в., в которой рекрутирование политических акторов моно-

полизировано политическими партиями. Между тем данная модель не является универсальной.

Очевидно, что для полноценного функционирования политической сферы в формате профессиональной необходимо наличие определенных предпосылок. Й. Борхерт предположил, что в качестве структурных предпосылок политической профессионализации выступают следующие:

1. *Надежные источники дохода* (парламентская зарплата, позиция в партийном аппарате, лоббистская деятельность и т.п.). Эти источники должны обеспечивать достойный уровень жизни, для того чтобы сделать политическую карьеру привлекательной по сравнению с другими возможностями. Имея в виду, что политика может предложить также нематериальные преимущества (близость к власти, возможность выражения идеологических предпочтений, доступ к медиа), эти дополнительные возможности могут частично компенсировать преимущества других сфер с более высоким доходом.
2. *Реалистичность шансов иметь постоянную работу в сфере политики*. Минимизация опасности риска окончания карьеры посредством либо надежного переизбрания, либо занятия другой привлекательной позиции в политической сфере, либо комбинации обоих механизмов поддержания карьеры (должности в парламенте, исполнительной власти, партийном аппарате, группах интересов на локальном, региональном, национальном и наднациональном уровнях).
3. *Наличие иерархий политических позиций и возможность карьерного продвижения* в рамках института (партии, парламентского комитета) или межинститутская вертикальная мобильность (включая должности в исполнительной власти, парламенте, партийном аппарате, группах интересов на локальном, региональном, национальном и наднациональном уровнях)⁹.

Борхерт также идентифицирует уровни профессионализации: индивидуальный (во многом определяемый возможностью, доступностью и привлекательностью политической карьеры); политического офиса (определяемый ресурсами — зарплата, персонал, привилегии и т.д.); политических институтов (определяемый высоким удельным весом

профессионального персонала, дифференцированной внутренней структурой и установленным внутренним распорядком, а также значительным бюджетом, существенно превышающим те, что обычно существуют в любительских объединениях). В свою очередь институциональный контекст включает следующие компоненты, существенно влияющие на состав и особенности функционирования политического класса: структура государства, роль национального парламента, внутренняя структура парламента, избирательная система, партии и группы интересов, особенности финансирования политической сферы¹⁰.

Существенная внутренняя функциональная и социальная дифференциация политического класса определяет специфику профессионализации входящих в состав политического класса категорий¹¹.

Наиболее детально концепт профессионализации артикулирован применительно к парламентариям вследствие публичного характера их деятельности и пристального общественного внимания к ней. Дж. Сартори идентифицирует в качестве параметров профессионализации парламентария такие качества, как необходимые профессиональные навыки, длительность депутатского статуса (время нахождения в парламенте) и изменение статусной позиции парламентария, обеспечивающее дистанцирование депутата от базового социетального профиля¹².

Борхерт уточняет индикаторы профессионализации парламентариев, которые, с его точки зрения, включают: время, в течение которого суточная оплата становится постоянной зарплатой; время, в течение которого зарплаты повышаются до профессионального уровня; введение пенсий для депутатов¹³.

В данном контексте представляют значительный интерес методологические подходы, разработанные в рамках реализации масштабного мегапроекта «Парламентское представительство в Европе. 1848–2012 гг.», в орбиту которого было вовлечено более двадцати европейских стран. Автор настоящей статьи выступала руководителем российской части проекта, посвященной изучению особенностей российской парламентской традиции и персонального состава депутатского корпуса Государственной думы Федерального собрания РФ. Руководителями данного проекта Х. Бестом и М. Коттой предложены следующие четыре параметра профессионализации парламентариев в современном обществе: получение мандата на всеобщих выборах; опора в большинстве случаев на организационную и/или финансовую поддержку партий;

рассмотрение депутатской деятельности на постоянной основе в качестве источника дохода и относительная независимость политика от социального происхождения и системы лояльностей, им продиктованных: профессиональный парламентарий не должен быть зеркальным отражением представляемой общности¹⁴.

Кроме того, профессионализация современной парламентской деятельности включает в себя три *измерения*: технологическое, институциональное и метафизическое. *Технологическое* измерение профессионализации предполагает способность депутатов к осознанию, артикуляции и агрегированию интересов избирателей, наличие у них навыков законотворческой и публичной политической деятельности, а также владение технологиями политического маркетинга, менеджмента и коммуникации. *Институциональное* измерение фиксирует роль законодательной власти как институционального канала рекрутирования общенациональной политической элиты. *Метафизический смысл* профессионализации состоит в превращении парламента в инструмент реализации национальных интересов данной государственной общности, отличных от корпоративно-партикулярных интересов представленных в парламенте групп и самих депутатов.

Комментируя последнее из перечисленных трех измерений, следует отметить специфичность этических требований в сфере политики, что отмечал еще Вебер: «Главное средство политики — насилие... разве есть правда в том, что хоть какой-нибудь этикой в мире могли быть выдвинуты содержательно *тождественные* заповеди применительно к эротическим и деловым, семейным и служебным отношениям, отношениям к жене, сыну, конкурентам, другу, подсудимым? Разве для этических требований, предъявляемых к политике, должно быть действительно так безразлично, что она оперирует при помощи весьма специфического средства — власти, за которой стоит *насилие*?»¹⁵.

Автору этих строк уже приходилось писать о необходимости содержательного разведения двух типов этических регуляторов, которые можно определить как *политическую* и *приватную* мораль¹⁶. Политическая мораль призвана регулировать отношения политических акторов в политике; приватная — в сфере частной жизни. С точки зрения своих содержательных и функциональных особенностей феномены политики и морали, рассматриваемые в качестве самостоятельных сфер социальной жизни, различаются. Если мораль оперирует незыблемы-

ми нормами и ценностями, нацеленными на укрощение эгоистической природы человека, то в политике константой является не *идеал*, а *интерес*. Как известно, категория интереса (как мотива поведения в отличие от идеала) выражает ориентацию субъекта на достижение прагматических целей в отличие от идеала, требующего соответствия субъекта этическим нормам. Это не значит, что политика по определению безнравственна — здесь иной базовый критерий нравственности. В общем плане можно сказать, что мерилом нравственности в политике выступает соответствие национально-государственным интересам. При этом личная моральная состоятельность конкретного политика — вопрос второстепенный.

Разумеется, это отнюдь не означает, что в политике цель (национальный интерес) полностью оправдывает средства. Однако при механическом приложении к политике норм и оценок «частной» морали можно прийти к абсурдному выводу, что государство есть глубоко безнравственный институт — ведь реализация его функций неизбежно предполагает насилие, причем в «особо крупных размерах». Целесообразно ставить вопрос не о несовместимости политики и морали, а о *специфичности политической морали*, отличной от *морали приватной*.

Вышеизложенное означает, что феномен морали в политике имманентно противоречив. При этом противоречия политической морали — «не формально-логического свойства. В них столь много плоти и крови, что их нельзя даже понять, мысля «априорно» и отвлекаясь от ситуаций и контекстов, в которых они возникли, не говоря уже о нахождении способов их преодоления. Более того, многие из них такого рода, что у *них* совсем нет «окончательных и единственно правильных решений»¹⁷; судить о моральности политики можно только в контексте.

Таким образом, политическая мораль в отличие от морали приватной ситуативна: если приватная мораль регулируется не подверженными сиюминутной конъюнктуре установившимися нормами (в христианстве это известные заповеди), которые, например, нормы «не убий», «не укради», не зависят от контекста, то эти же нормы применительно к политике зависят от контекста, постольку невозможно выносить априорных решений по поводу рассматриваемых ею предметов. «*Что* есть насилие, *какова* его допустимая мера, *как* возможно его искупление» — ответы на эти вопросы возможны лишь в конкретном контексте. «Политическая мораль покидает сферу трансцендентного и входит в историю»¹⁸.

Сказанное означает, что этические измерения деятельности политического класса и его профессиональная этика представляют собой порой трудноразрешимые проблемы, не поддающиеся однозначной интерпретации. Данное обстоятельство высвечивает еще один неоднозначный аспект феномена политической профессионализации.

¹ Известный немецкий политический социолог Х. Бест называет его даже «несколько эфемерным». См.: *Best H. Elite Continuity and Elite Circulation after System Disruption: The East German Case in Comparative Perspective* // Best H., Edinger M. *Representative Elites in Post-Communist Settings*. Jena, 2003. No 8. P. 18.

² *Beaver D., Rosen R. Studies in Scientific Collaboration. Part I: The Professional Origins of Scientific Co-Authorship* // *Scientometrics*. 1978. Vol. 1. No 1. P. 66–67. См. также: *Best H. Elite Continuity and Elite Circulation after System Disruption: The East German Case in Comparative Perspective*.

³ *Best H. Op. cit.*

⁴ *Zuckerman H. Scientific Elite. Nobel Laureates in the United States*. N.Y., 1971.

⁵ *Best H. Elite Continuity and Elite Circulation after System Disruption: The East German Case in Comparative Perspective*. P. 19

⁶ *Meisel J. The Myth of the Ruling Class: Gaetano Mosca and the Elite*. Ann Arbor, MI: U. of Michigan Press, 1958.

⁷ *Beyne K. von. The concept of political class: A new dimension of research on elites? // West European Politics*. 1996. 19:1. P. 71–73. См. также: *Beyne K. von. Die Politische Klasse im Partienstaat*. Frankfurt: Suhrkamp, 1993.

⁸ Нередки случаи оказания влияния на процесс принятия решений далеких от политики лиц — например, членов семей первых лиц государства; некоторые из них впоследствии могут занять формальные политические посты, как это было с Х. Клинтон, ныне занимающей пост госсекретаря США, или с действующим президентом Аргентины К. Киршнер.

⁹ *Borchert J. Professional Politicians: Towards a Comparative Perspective* / J. Borchert, J. Zeiss (eds.). *The Political class in advanced democracies*. Oxford University Press, 2003. P. 7–8.

¹⁰ *Ibid.* P. 9–14.

¹¹ Следует отметить, что в ряде случаев члены политического класса полагают за благо не демонстрировать свой профессиональный профиль, как это было в Италии 1990-х годов и Франции 1980-х годов вследствие преимущественно негативного отношения общественного мнения к политикам из-за высокой степени их коррумпированности. Так, в начале 1990-х годов в рамках операции «чистые руки» судебные преследования были возбуждены примерно против половины депутатов парламента, а в правительственных фракциях эта доля была выше (см.: *Cotta M. Parliamentary Representatives in Europe 1848–2000* / H. Best, M. Cotta (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2000; *Recchi E., Verzichelli L. Italy: The Homeland of the Political Class* / J. Borchert, J. Zeiss (eds.) *The Political class in advanced democracies*. Oxford University Press, 2003.), вследствие чего небольшое число членов примерно 100-тысячного политического класса Италии предпочитали позиционировать себя в биографических отчетах в качестве свободных журналистов или консультантов, поэтому политическая профессионализация порой носила неявный характер. Негатив-

ное отношение к политикам сложилось также в США в 1990-х годах в связи с многочисленными скандалами различного характера.

¹² *Sartori G.* The Professionalization of Italian MPs / M. Dogan, R. Rose (eds.). *European Politics*. Lettles, Brown and Co.: Boston, 1971. P. 408-415.

¹³ *Borchert J.* Professional Politicians: Towards a Comparative Perspective / J. Borchert, J. Zeiss (eds.). *The Political class in advanced democracies*. Oxford University Press, 2003. P. 8.

¹⁴ *Parliamentary Representatives in Europe 1848–2000* / H. Best, M. Cotta (eds.). Oxford: Oxford University Press. P. 494, 524.

¹⁵ Вебер М. Указ. соч. С. 697, 694.

¹⁶ Гаман-Голутвина О. В. О морально-нравственных основаниях политики // *Полис*. 2005. № 3.

¹⁷ Капустин Б. Г. О связи морали и политики // *Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции*. М., 2004. С. 71.

¹⁸ Там же. С. 78.

ВОЛНЫ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОГО ПОРЯДКА: 1970–2000-е годы

Вданной статье хотелось бы поделиться опытом изучения мировой динамики и государственного строительства за несколько последних лет.

Точкой отсчета удобно взять «Политический атлас современности», над которым мы с коллегами работали с 2005-го по 2007 г., а затем, в 2009–2010 гг., — уже над новым изданием на английском языке. Основная идея этого проекта заключалась в выделении сетки-основы мировой политики в виде ячеистой структуры, образуемой государствами. Была предпринята попытка полностью и без изъятий смоделировать такую сетку по состоянию на середину первого десятилетия нынешнего века. Данный проект позволил сделать моментальный набор проекций («атлас»), дававший представление о структурной основе мировой политики, а значит, и об ее основных конфигурациях. В то же время динамические аспекты мировой политики, которые также были в центре внимания исследовательского коллектива, пришлось вынести за скобки. Однако работа в данном отношении продолжалась. Некоторые ее аспекты и отражены в статье.

Примерно тот же исследовательский коллектив, что занимался проектом «атласа», в несколько модифицированном составе занялся в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ моделированием волн мировой политической динамики, государственного строительства и режимных трансформаций применительно к последним четырем десятилетиям. На этот относительно короткий, но весьма насыщенный и, главное, непосредственно пережитый нами фрагмент истории можно взглянуть по-разному. Многие начинают видеться иначе при изменении масштаба — временного и концептуального.

Самый широкий угол зрения антропогенеза и социальной эволюции можно, пожалуй, оставить в стороне. Однако масштаб вступления мирового развития в эпоху глобализации был бы уместен. Хоть он и ос-

тавляет в центре нашего внимания последние четыре десятилетия, угол зрения широко раздвигается. В его поле оказывается ретроспектива по меньшей мере нескольких столетий, а концептуально — новые качества политики эпохи Модерна. Конкретнее речь идет об историческом вызове существования в условиях неопределенности и развития, о приспособлении политических институтов к этим условиям.

Взгляд в масштабе последнего столетия фокусируется на проблематике ответа на вызов управляемости развитием, обеспечения хотя бы стабилизирующего воздействия на него. Конкретнее речь идет о наметившейся перспективе выхода из эволюционной паузы короткого XX в., периода условно от Сараева до Хельсинки, когда потребность контроля над развитием стала жизненно актуальной, но практических средств ее обеспечения — ни интеллектуальных, ни институциональных — еще не появилось. Теперь, в 1970-е годы, появляется намек на возможность практического перехода к поддерживаемости, sustentабильности развития.

Наконец, сужение угла зрения, фокусировка его на событиях со-рокалетней давности, на Хельсинки и на начале третьей волны демократизации — чтобы разглядеть становление как раз тех институтов, которые способны обеспечить обратную связь и подотчетность. А без них ни о каком осмысленном, а тем более эффективном воздействии на развитие говорить не приходится.

Соблазнительно было концептуально соединить все эти разные масштабы в одной модели, выстроить ее «послойно», с учетом переходов от масштаба к масштабу по общим принципам «воронки причинности». Собственно, именно это и было предложено мною в 2008 г. в выступлении на конференции РАПН «Новый политический цикл: повестка дня для России». Само выступление было названо «Закончилась ли четвертая волна?» При этом сознательно не объявлялось — волна чего. Это как раз и было предметом моего обсуждения.

Предлагалось трактовать волны демократизации как динамику выработки институтов, хотя бы минимально пригодных для воздействия на развитие. При этом логика волнообразного движения задавалась сочетанием двух антиномичных моментов — участия и гегемонии, а появление демократических институтов обратной связи и подотчетности увязывалось с паллиативным закреплением или институционализацией компромиссных процедур установления баланса между гегемонией и участием.

Опыт двух первых волн интерпретировался как подготовительное накопление институционального потенциала, а третья и четвертая волны — как переход к использованию и расширению этого потенциала. Тем самым подчеркивалось различие между «эволюционной паузой» короткого XX в. и последующим этапом начала глобализации. Разумеется, встраивался и масштаб ответа на вызов управления развитием.

Модель выглядела соблазнительно прозрачной и логичной. Даже слишком «идеальной», чтобы выдержать столкновение с действительностью в ходе эмпирического испытания. Первая проблема, о которой уже шла речь в выступлении 2008 г., заключалась в структурной (синхронной) и эволюционной (диахронной) неоднородности мировой политики. Из этого вытекала и вторая проблема — наличие у отдельных стран и даже регионов, выделяемых и географически, и аналитически, своих собственных ритмов. Высказывалось даже предположение, что для разных стран счет волн демократизации должен идти по-своему. Лидеры, задающие тон мировой волне, вступают в третью или четвертую, а некоторые — только во вторую, а то и первую волну демократизации.

Данные оговорки и сомнения были подкреплены в последующих эмпирических исследованиях, в частности, в проектах, которые мне довелось реализовывать с коллегами по «Политическому атласу современности», уже на площадке Высшей школы экономики. Более того, выявились эффекты наложения волн различных природ и масштабов, их подкрепления и синхронизации или же, напротив, десинхронизации, т.е. сбивания ритмики вплоть до провоцирования кризисов.

Где мы находимся в настоящий момент? Первое, что удалось сделать, это нащупать параметр, который «соединяет» различные масштабы — модернизации, демократизации и глобализации. Таким параметром, по нашему мнению, является государственное строительство и одна из его важнейших динамических характеристик-переменных — государственная состоятельность, *stateness*.

При этом мы также убедились, что выстраивание всеохватного, глобального, построенного по типу «Политического атласа» инструмента изучения волн или хотя бы количественного фиксирования качественных характеристик пиков и спадов волн развития оказалось слишком сложной задачей. Она представляется не решаемой на данном уровне развития политической науки, а возможно, и в принципе недостижи-

мой. Приходится идти иным путем. Мы пытаемся изучать отдельные проявления волновой динамики на коротких отрезках, в разных масштабах и диапазонах, в разных частях мировой политической системы. И в центре внимания, естественно, динамика политического развития Российской Федерации.

Насколько данная стратегия оправдывает себя? Нами получены любопытные результаты, касающиеся, например, десинхронизации развития внутри постсоветской группы политий при одновременной синхронизации, вписывании их в другие, внешние тренды. Выявились и своего рода малые группировки со сходными трендами. На этом фоне прояснились отдельные моменты нашей российской политической динамики, касающиеся как политического режима, так и более масштабных явлений, например, государственной состоятельности и вообще государственности.

Нам также удалось эмпирически выделить особый тип «стоячей» волны, когда в основном консолидировавшийся режим блокирует или пытается заблокировать дальнейшие изменения. Выявлены логика действия и эмпирические параметры такого режима «царя горы». Эта метафора не должна никого обманывать, хотя самого «царя горы» и его свиту, а также всех кормящихся из его рук слуг она как раз обманывает. Для них это гора, тогда как в оптике общего волнового движения это провал между волнами, пропасть. Математически «стоячая» волна может быть описана как минимум так называемой *J*-кривой. «Стоячая» в абстрактном понимании волна — это такая конфигурация, когда подъем произошел, а спуска нет. Развитие идет по синусоиде. Потом следует переход на «плато» с одним и постоянным «хорошим», позитивным качеством. Фазы спада нет. Волна «стоит», не падает.

Прямо противоположная конфигурация возникает на противоположной фазе. Идет спад. Он доходит до самого низа и там остается на плато с одним и постоянным «плохим», негативным качеством. Фазы подъема, позитивного «хвоста» *J-curve* нет. Впадина «лежит», волна не поднимается.

Повторю еще раз. Только «царь горы» может увидеть свое творение как «гору». В его качественной логике волны «перевернуты» по значениям — плюс меняется на минус и минус — на плюс. Для более широкого наблюдателя, например, «истории», интересов развития, да и вообще всех страдающих от его «горы» она никакая не гора с плато,

а впадина с плато. Чтобы быть точным, нужно говорить о «царе дыры», а не «царе горы».

«Стоячие» волны и застревание в «неподвижной» ложбине между движущимися волнами характерны для целого ряда политий, среди которых оказалась и нынешняя Российская Федерация. Об этих результатах наших исследований только что доложил на открытии Конвента РАМИ руководитель нашего исследовательского коллектива А. Ю. Мельвиль. Соответствующая публикация в ближайшее время будет осуществлена в виде препринта Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Готовится также статья для «Международного обозрения политической науки», издаваемого Международной ассоциацией политической науки.

В ходе наших исследований мы также убедились, что появление «стоячих» волн «царя горы» и сочетание разнонаправленных трендов — особенности не только постсоветской группы политий. Эти особенности могут быть обнаружены и при изучении других группировок, например, при включении в выборку также политий, входивших в так называемое социалистическое содружество. Сейчас мы изучаем более широкий материал с учетом кризисных политий уже начиная с третьей волны. Предварительные результаты показывают, что ритмы и волны развития сильно зависят от институционального наследия, в частности от потенциала государственной состоятельности, *stateness*. А это в свою очередь подтверждает идею, что нужно встроить государственную состоятельность в исходную модель 2008 г.

Как это сделать на уровне эмпирических исследований, мы еще не придумали. Это задача следующего этапа исследований. Будем благодарны, если вы нам что-то предложите или посоветуете.

А теперь совсем короткое заключительное замечание. Четыре года назад был поставлен вопрос, закончилась ли четвертая волна. И ответ давался — да, заканчивается. Этот ответ подсказывался согласованным использованием разных масштабов видения и анализа текущей фактуры. С тех пор прошло четыре года. Всеобщий кризис — далеко не только экономический и финансовый — мощно дестабилизировал мировую политическую систему и его ядро, Европейский союз. Казавшаяся незыблемой, в духе «конца истории» гегемония сошла на нет. Альтернативное участие возросло. Поднялась волна «арабской весны». Можно ли редуцировать ее только к очередному региональному повторению

процессов размежевания светских и духовных порядков, характерных для западноевропейской эпохи конфессионализма XVI—XVII вв.? Или только к повторению демократических усилий лидеров демократизации? Или к противоречивому соединению разных векторов? Многие страны вступают наконец в свою первую волну демократизации. А другие — во вторую или третью. Предположение оправдывается. А это означает, что следует предпринять новые усилия для соединения разных масштабов анализа, чтобы попытаться уже не только констатировать грядущее нарастание мировой волны развития, но и угадать ее основные характеристики и, что даже важнее, отклонения от общей мировой динамики отдельных стран и в первую очередь России.

ПОЛИТИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

В последнее время в российской политической науке получили значительное развитие темы суверенитета и государственной состоятельности. В первую очередь это можно считать заслугой кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД России и центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований ИНИОН РАН и лично М. В. Ильина, Е. Ю. Мелешкиной и И. В. Кудряшовой¹. В данных работах получили глубокое теоретическое осмысление различные аспекты данных категорий (в том числе формирование наций и государств, разновидности государственности, проблемная государственность) и был проанализирован широкий спектр примеров, включая самопровозглашенные и несостоявшиеся государства. Тем не менее, несмотря на то что в рамках данных работ авторы значительное внимание уделяли территориальным характеристикам суверенитета и государственной состоятельности, на наш взгляд, политико-территориальное понимание государственности не было выделено в качестве независимого и не было осмыслено в полной мере. Предлагаемая работа продолжает размышления в указанном русле, пытаясь обрисовать теоретические рамки поисков роли пространства для государственности, поставить специфические политико-географические исследовательские проблемы при обращении к данной тематике и наметить гипотезы, способные обогатить наше понимание данных категорий. При этом во многом отправной точкой работы стали исследования автора о своеобразии геополитического положения и политических систем микространств², позволяющие, на наш взгляд, обогатить понимание государственности в целом и роли пространственных аспектов в ее развитии.

В указанных выше работах исследователей МГИМО и ИНИОН РАН предлагается концептуализация понятий «суверенность» и «государственная состоятельность». Эти понятия вытекают из традиционного (политико-географического) понимания государственности политики, формирующейся вокруг центра принятия решений, обязательных для

всей территории страны и извлекающего для этого на данной территории ресурсы для самовоспроизводства. При этом была подчеркнута разница между государственной статусностью (*statehood*) как внутренним и внешним признанием существующего государства и режима и государственной состоятельностью (*stateness*) как потенциалом функционирования в качестве территориальной политики с оформленным центром. Была высказана гипотеза о том, что государственная состоятельность связана с объемом производства и циркуляции общественных благ³.

Вопросы суверенности всегда были центральными для политической географии, поскольку государство, основной объект изучения этой науки, традиционно понимается через суверенность. Так, нормативное понимание суверенитета как концепта, связывающего власть и общество легитимацией (внутренней и внешней) на определенной территории, уже содержит в себе политико-географический аспект. Данной проблематике посвящено множество работ, среди которых выделим ставшие классическими⁴.

В современной политической географии, на наш взгляд, существует два доминирующих подхода к суверенности. В первом суверенитет реализуется через обозначение и достижение государством своих интересов, причем преимущественно через его внешнюю политику, и в таком случае мы подразумеваем, что суверенитет является стабильной характеристикой государства⁵. Во втором — суверенность понимается как результат политических процессов, протекающих на определенной территории, и в таком случае мы имеем дело с динамическим (во временной и пространственной координатах) суверенитетом⁶. Как мы видим, в первом подходе суверенитет выступает атрибутом государства, его непреложной характеристикой, в то время как во втором, наоборот, уже государство становится субъектом суверенности.

Первый подход, назовем его *атрибутивным*, опирается на вестфальское понимание суверенитета, при котором мир состоит из суверенных государств, полностью контролирующих свою территорию. Несмотря на то что, очевидно, такого никогда не было, последователи данного подхода продолжают считать полный суверенитет необходимым организующим принципом государства, естественным свойством политической власти. Государства в таком случае продолжают пониматься в духе социал-дарвинизма как автономные индивиды, отображающие в своем поведении некие монолитные внутренние интересы и выступа-

ющие в качестве объектов международных отношений, сражающихся за выживание друг с другом, что порождает жесткие дихотомии «внутри — снаружи» и «свой — чужие». Уровень их государственной состоятельности (успех в отстаивании этих интересов в данной схватке) в таком случае можно квантифицировать.

При втором подходе — *субъектном* — получается, что государство следует понимать не как источник власти, а как производное от суверенитета, от политических процессов, происходящих под именем данного государства на определенной территории, при которых власть и общество связываются внутренней и внешней легитимацией и формируют единую идентичность. Государства при таком подходе становятся одними из субъектов международных отношений, в систему которых они встраиваются через свою внешнюю политику. В таком случае суверенность перестает быть универсальной (а следовательно, и измеряемой) мерой государственной состоятельности и становится специфичным конструктом, реализующимся в разных формах и разными механизмами, в зависимости от исторического и географического контекста.

Если следовать второму подходу, можно выделить два ведущих территориальных основания формирования государственности: национальное строительство и угрозы безопасности.

Если мы опираемся на принцип производности государства от суверенитета, это означает, что источником суверенитета является исключительно население страны. Однако в теории народного суверенитета возникает противоречие: с одной стороны, население представляет собой дополитическое сообщество, только формирующее будущие политические институты, необходимые для суверенитета, а с другой — оно же является территориальным сообществом в границах уже существующего образования. Как у государства возникает территориальность до появления политических институтов? Очевидно, что территориальностью обладают не только политические, но и естественные культурные сообщества. Процесс национального строительства помогает связать территориально обособленную культурную общность с формирующимися политическими институтами, что позволяет населению выступить источником легитимности будущего государства⁷.

Если национальное строительство является внутренней основой формирования государственности, то внешней выступают угрозы безопасности, точнее, дискурс об угрозах безопасности, который форми-

рует образ «других», на противопоставлении себя которым и возникает государство. Помимо политических границ новому образованию нужны границы идентичности, которые создаются за счет образования угроз извне. Кроме того, угрозы безопасности мобилизируют население, чем значительно ускоряют внутреннюю легитимацию⁸.

Переосмысление государственности требует также пересмотра нашего отношения к территориальности. В современной политологии и теории международных отношений доминирует «территориальная» парадигма мироустройства, предполагающая, что мир разделен на протяженные в пространстве объекты (в первую очередь государства, но также империи, сферы влияния и т.д.)⁹. Тем не менее многочисленные исторические примеры доказывают, что политике не обязательно обладать территориальностью в этом понимании. Территориальность является лишь одной из стратегий развития политики, которая просто возобладала в нашу эпоху. В то же время известно, что современное территориальное государство развивается только в Новое время в Европе после отказа от нетерриториальных династических систем с персонализированной суверенностью в пользу народного суверенитета¹⁰.

Тем не менее суверенность может быть достигнута не только в протяженных в пространстве объектах. Внутренняя и внешняя легитимация взаимоотношений власти и общества может быть достигнута и в нетерриториальных сетевых образованиях. Такие политики, как, скажем, города-государства, союзы, морские империи, безусловно, занимают некоторое пространство, однако не являются протяженными в пространстве объектами, что означает, что государственность не всегда предполагает жесткие границы ее территории.

Следовательно, в современном мире необходимо различать *территориальность* политики как характеристику ее протяженности и ограниченности в пространстве, предполагающую наличие фиксированных границ применения суверенитета, и *пространственность* политики как характеристику ее представленности (распространенности) в пространстве. Ресурс территориальности сильно ограничен в мире, поскольку одна и та же территория не может подпадать под разные суверенитеты, в то время как пределы пространственности намного более широкие, так как сетевой принцип организации политики позволяет одной территории распределять свою суверенность между несколькими образованиями. Сетевые политики, таким образом, ограничены в про-

странстве только целями, ради которых они создаются. В них ограничение суверенитета происходит добровольно, снизу вверх, а не директивно, как во многих территориальных политиках, сверху вниз.

В спорах о государственности традиционно апеллируют к примерам крупных образований, почти аксиоматично полагая, что малые политии обделены суверенитетом в его полноценном виде, а следовательно, их изучение становится бессмысленным. На наш же взгляд, именно изучение микрогосударств и политий с проблемной государственностью (самопровозглашенных государств, самоуправляющихся территорий, анклавов и эксклавов, автономий, территориальных режимов и т.д.), т.е. образований, обладающих минимальным или неполным набором атрибутов суверенности, более релевантно, поскольку позволяет исследовать сущность в ее крайних проявлениях. Это заставило автора сосредоточить свое внимание при исследовании государственности на казусе микрогосударств. Попробуем вначале разобраться с особенностью внутренней и внешней легитимации отношений власти и общества в микрогосударствах, чтобы затем дать общие выводы о политико-географической специфике их государственности.

М. В. Ильин вслед за Жозепом Коломером определяет класс микрогосударств как политий с существенно ослабленными внешними аспектами суверенности и низкой статусностью, с населением меньше миллиона жителей¹¹. Последний критерий позволяет определить, что в современном мире 41 микрогосударство—член ООН. Большинство из них расположены на островах Карибского (9) и Южно-Тихоокеанского бассейнов (11), однако встречаются они во всех частях света, кроме Северной Америки: 10 — в Европе (Кипр, Черногория, Люксембург, Мальта, Исландия, Андорра, Лихтенштейн, Монако, Сан-Марино, Ватикан), 4 — в Азии (Бутан, Бруней, Мальдивы, Сейшелы), 4 — в Африке (Джибути, Коморы, Экваториальная Гвинея, Кабо-Верде), 3 — в Южной Америке (Гайана, Суринам, Белиз). 27 из выделенных микрогосударств расположены на островах, только 6 микрогосударств не были в недавнем прошлом колониями. По уровню ВВП на душу населения микрогосударства разбросаны с 1-го (Люксембург) по 153-е (Коморы) места (данные МВФ за 2010 г.), сосредоточившись в основном в середине списка (с 76-го по 135-е место). 28 микрогосударств можно считать демократиями. К микрополитиям можно также отнести все зависимые территории, кроме Гонконга и Пуэрто-Рико.

Внутренние процессы легитимации в микрогосударствах преимущественно связаны с уровнем развитости политических институтов и демократических процедур. Теоретики влияния размера государства на уровень развития демократии выделяют несколько областей, в которых такое влияние может оказываться, а именно гражданское участие, безопасность и порядок, единство и разнообразие, общие интересы, лояльность и контроль над лидерами¹². К преимуществам микрогосударств можно отнести их гомогенность, меньшую конфликтность, повышенную лояльность власти и симметричные взаимоотношения между элитой и гражданами в силу меньшей дистанции между властью и обществом. В малых сообществах гражданам легче выработать общие интересы, что, однако, снижает их потребность в сильной оппозиции. Таким образом, власть концентрируется в руках единственной доминирующей политической организации. Это зачастую приводит к персонализации власти и соответственно к сокращению полномочий законодательной власти и роли политических партий. С другой стороны, поскольку лидеры малых государств вынуждены взаимодействовать напрямую, они стремятся минимизировать открытые противостояния, иными словами, в отличие от больших государств здесь элите больше свойственен внутренний консенсус. Предрасположенность к консенсусу в свою очередь способствует развитию демократии, так как снижает опасность дестабилизирующих фрустраций в политической системе. Помимо этого, малый размер государства повышает участие, поскольку возрастает значение каждого голоса, но в то же время гомогенность общества снижает конкурентность на выборах.

Отдельный интерес представляет развитость инструментов прямой демократии как механизма легитимации государственной власти. По-видимому, микрогосударства создают идеальные условия для установления прямой демократии именно благодаря своему размеру. Сплоченность является их неотъемлемой чертой, что способствует осведомленности населения о местной политической жизни. Более того, микрогосударства более компетентны в вопросах борьбы с элитой, добывающейся привилегий посредством манипуляций с законом. В то же время следует отметить, что низкая дистанция между властью и обществом и однородность взглядов и ценностей населения создают дополнительные препятствия для прямой демократии в таких странах¹³. Конечно, среди микрогосударств есть свои отличия, скажем, связан-

ные с островным или континентальным положением или колониальным опытом, однако они скорее влияют на степень описанных выше свойств, нежели на их качество.

Мы можем сделать предварительный вывод о том, что для микрогосударств их размер становится не препятствием, а акселератором суверенности, поскольку предоставляет им дополнительные возможности для внутренней легитимации при условии, что такое государство не копирует слепо политическую систему своей бывшей метрополии.

Внешняя легитимация микрогосударств в современном мире в первую очередь связана с их встраиванием в глобальную экономику. В последние три десятилетия множество микрогосударств, несмотря на свой размер, показали значительный рост уровня экономики и социального обеспечения. Это свидетельствует о том, что размер территории не мешает росту, вопреки большому количеству вызовов, принимаемых малыми странами. Да, с одной стороны, глобализация представляет собой значительную угрозу сохранению самобытности множества успешных островных государств. Но то же время неудачная попытка принять глобализацию может означать то, что малые страны останутся изолированными от положительных изменений, которые принесет глобализация, и будут далеко отброшены на экономическую и географическую периферию мира.

Можно выделить следующие детерминанты социально-экономического развития микрогосударств (или в терминах экономики — их конкурентные преимущества): открытость, секторальная специализация, гибкость, восприимчивость к изменениям в мировой экономике и сильная включенность в региональные интеграционные процессы¹⁴.

Предполагается, что успешные малые государства специализируются на тех товарах и услугах, которые полностью раскрывают человеческий капитал. Для таких государств важно повышать уровень образованности населения, так как государства не могут рассчитывать на увеличение мощности экономики при помощи включения большего количества рабочих в производственный процесс из-за малой численности этих стран. Необходимость для малых стран улучшать свои сравнительные преимущества предполагает, что их успешное развитие, вероятно, основывается на экономической модели, ориентирующей экономику на один ее сектор. И опять же микрогосударства имеют большую общественную сплоченность и политическую гибкость,

что стимулирует их развитие. Тем не менее отдаленность и изоляция отрицательно влияют на экономический рост из-за высоких затрат на транспорт и коммуникации, да и само успешное развитие, как ни парадоксально, усиливает экономическую уязвимость из-за более сильной зависимости от торговли и международного сотрудничества. Препятствием экономическому развитию микрогосударств является, конечно, и существующая асимметрия в мировой торговле, приводящая к диктату стран ОЭСР. Противодействовать этому микрогосударства могут, только усиливая диверсификацию экспорта и региональную кооперацию.

Таким образом, размер является решающим критерием в развитии микрогосударств — он способствует их большей демократичности, однако может тормозить развитие¹⁵. Попутно необходимо подчеркнуть, что микрогосударства опровергают тезис о взаимосвязи демократии и уровня благосостояния. Формирование государственности в сверхмалых полициях опосредовано, как правило, наличием противоборствующих начал: колониальным прошлым и глобализацией. Баланс в ориентации микрогосударств на демократическое развитие по западным образцам и стремление сохранить самобытность становится необходимым условием сохранения их суверенности. Характеризируя процесс освоения государственности в микрополитиях в целом, можно сделать вывод о том, что государственность для этих стран является реакцией на дихотомию их политико-территориального положения. Это сочетание импортированных колонизаторами или более сильными соседями политических институтов и культуры, а также требования либерализации политической сферы, с одной стороны, и широких возможностей для микрогосударств, предоставляемых глобализацией и необходимостью формирования собственных идентичностей, — с другой.

Во многих океанийских языках понятие «суверенитет» выражается через слово *mana* или родственные ему¹⁶. *Mana* означает некоторую форму сверхъестественной силы. Этот интересный факт наталкивает на мысль, что для микрогосударств внешние аспекты легитимации (в первую очередь признание бывшей метрополией и остальным миром) их режимов весомее внутренних. Более того, если мы обратимся к выведенному нами субъектному пониманию суверенитета, то можем предположить, что роль внутренних аспектов суверенности для микрогосударств вообще ничтожна. Суверенность микрополитий не становится

причиной политических изменений, а зачастую является их следствием. Принужденные к форсированной государственности, микрогосударства вынуждены выбирать из скудного арсенала государственных качеств и атрибутов те, на основании которых возможно было скорее сформировать легитимную власть.

В данных условиях определяющим становится влияние фундаментальных пространственных факторов развития этих территорий. Несмотря на разницу в значении отдельных факторов для конкретных стран региона, в целом можно сделать вывод о том, что в микрогосударствах политическое развитие обуславливается влиянием пространственных факторов, выстроенных в определенную иерархическую пирамиду. Внизу данной пирамиды находятся физико-географические факторы, создающие общие контуры территориальных размежеваний в регионе. Далее следуют соответственно группы этногеографических, экономико-географических и социогеографических факторов, которые определяют основные особенности функционирования описываемых стран. Наконец, на самой вершине пирамиды располагаются политико-географические факторы, чье влияние в силу отсутствия зачастую долгой традиции незначительно, но в то же время неуклонно возрастает. Этот верхний уровень отражает различия, сформированные всеми нижними¹⁷ уровнями.

Данные размышления позволяют нам по-новому взглянуть на микрогосударства и их государственность. Дело в том, что в случае сверхмалых политий можно пренебречь *территориальностью* (в том смысле, в котором она была определена выше, т.е. протяженностью в пространстве) и региональными различиями, что позволяет нам относиться к политике как к точке к системе международных отношений. Такое упрощение требуется для понимания особенностей политико-географической сущности государственности, причем не только микрогосударств, однако пренебрежение территориальностью и региональными различиями в случае крупных и средних государств становится проблематичным.

Восприятие политики как точки, а не протяженной территории, позволяет нам с нового ракурса взглянуть на систему международных отношений, поскольку выводит на первый план *пространственные* характеристики государственности, т.е., как было замечено выше, характеристики сетевой распространенности политики. Это дает нам возможность поставить целый ряд исследовательских вопросов.

Во-первых, каков нижний порог наличия качеств, необходимых для формирования условий суверенности, выступающей, как было определено выше, объектом государственности, а не ее атрибутом? Наша гипотеза состоит в том, что анализ атрибутов государственности микрогосударств (их разнородности, слабости и условности) покажет, что такой порог равен нулю. Иными словами, для того, чтобы появилась в пространстве некая точка с предпосылками государственности, она не обязана обладать никакими предварительными свойствами суверенности. Основой государственности может быть просто ее положение в пространстве, в первую очередь положение относительно других политий.

Следовательно, во-вторых, нас должно интересовать, как политико-территориальное положение политии (как точки в пространстве) влияет на ее государственность. При этом акцент должен делаться не на анализе только свойств положения объекта в пространстве, имманентно ему присущих («вертикальная обусловленность»), а на анализе его отношений с положениями других объектов в пространстве (в первую очередь других политий), т.е. на анализе пространственных связей («горизонтальная обусловленность»). Таким образом, в работе будет анализироваться влияние геополитических (статических) характеристик на хронополитические (динамические) характеристики. Наша гипотеза будет состоять в том, что пространство не в состоянии детерминировать суверенность территории, однако может ограничить вероятность, набор сценариев и инструментов развития государственности и в некоторых случаях повысить вероятность одних сценариев и инструментов в противовес другим. Ключевую же роль в формировании основ суверенности, предвосхищающих формирование государства, играет, на наш взгляд, балансирование (именно как процесс) сил между акторами международной системы. В результате постоянного изменения баланса сил между ними в определенной точке пространственно-временного континуума возникают условия, в которых наилучшим вариантом поддержания или развития баланса становится наделение этой точки свойствами суверенности.

Случаи микрогосударств способны подтвердить предложенные гипотезы. Скажем, в истории территории Андорры или Лихтенштейна никогда не было достаточных исторических, этнокультурных или экономических оснований для суверенности. Данные образования появи-

лись и успешно существуют долгое время только благодаря тому, что стали условием сохранения баланса сил между Францией и Испанией, в одном случае, и Германией и Австро-Венгрией — в другом. Подобная внешняя причина сформировала необходимые условия для развития прочих условий государственности этих политий, в том числе внутренней и внешней легитимации их режимов. Интересно, что в случае Лихтенштейна, после изменения расстановки сил в Западной Европе, он переориентировался и сегодня играет уже на противоречиях Швейцарии и Европейского союза. То, как стремительно терял и вновь обретал независимость Люксембург вместе с изменением геополитической роли Германии в XIX—XX вв., также подтверждает наш тезис. Микрогосударства Океании также существуют, поддерживая баланс интересов крупных игроков региона — США, Китая, Японии и Австралии.

При этом заметим еще раз: различия в политико-географическом положении точки в пространстве варьируют вероятность обретения черт государственности данной точкой, но не детерминируют такое развитие. Островное положение, столь характерное для микрогосударств, или другие аналоги обособленности территории (например, окруженность горами, как в Андорре, или этнокультурная гетерогенность, как в Люксембурге), лишь повышают такую вероятность и расширяют набор сценариев, при котором на территории могут появиться признаки государственности.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что в современном мире суверенность является не атрибутом, а причиной государственности, и поскольку свойства пространственности превалируют над территориальностью, ключевым политико-географическим основанием суверенности выступает положение политики относительно системы балансирования сил других акторов мировой политики. По нашей гипотезе, данный вывод характерен для всех территориальных образований, а не только для микрогосударств.

¹ Асимметрия мировой системы суверенитета: зоны проблемной государственности / Под ред. М. В. Ильина, И. В. Кудряшовой. М.: МГИМО-Университет, 2011; Империи, государства, нации: Многообразие политий в современном мире // Политическая наука. 2008. № 4; Государственная состоятельность в политической науке и политической практике // Политическая наука. 2011. № 2; Суверенитет. Трансформация понятий и практик / Под. ред. М. В. Ильина, И. В. Кудряшовой. М.: МГИМО-Университет, 2008; Метод. М., 2010. Вып. 1: Альтернативные модели формирования наций.

² Империи, государства, нации: Многообразие политий в современном мире // Политическая наука. 2008. № 4. С. 236–253; Государственная состоятельность в политической науке и политической практике // Политическая наука. 2011. № 2. С. 165–176.

³ Государственная состоятельность в политической науке и политической практике // Политическая наука. 2011. № 2.

⁴ *Gottmann J.* The significance of territory. Charlottesville: University of Virginia Press, 1973; *Sack R. D.* Human territoriality: its theory and history. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.

⁵ *Biersteker T. J., Weber C.* State sovereignty as social construct. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

⁶ *Agnew J. A.* Sovereignty regimes: territoriality and state authority in contemporary world politics // *Annals of the Association of American geographers.* NY., 2005. No 95 (2). P. 437–461.

⁷ *Yack B.* Popular sovereignty and nationalism // *Political theory.* L., 2001. No 29 (4). P. 517–536.

⁸ *Campbell D.* Writing security: United States foreign policy and the politics of identity. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1998.

⁹ *Agnew J. A.* Op. cit.

¹⁰ *Дэвис Н.* История Европы. М.: АСТ, 2006.

¹¹ Империи, государства, нации: Многообразие политий в современном мире // Политическая наука. 2008. № 4. С. 20, 30.

¹² *Dahl R. A., Taft E. R.* Size and democracy. Stanford: Stanford University Press, 1973.

¹³ *Anckar D.* Direct democracy in microstates and small island states // *World development.* L., 2004. No 32 (2). P. 379–390.

¹⁴ *Read R.* The implications of increasing globalization and regionalism for the economic growth of small island states // *World Development.* L., 2004. No 32 (2). P. 365–378.

¹⁵ *Anckar D.* Democratic standard and performance in twelve Pacific micro-states // *Pacific affairs.* Vancouver, 2002. No 75 (2). P. 207–225.

¹⁶ *Petersen G.* Strategic location and sovereignty: modern Micronesia in the historical context of American expansionism // *Space and Polity.* L., 1998. No 2 (2). P. 179–205.

¹⁷ *Окунев И. Ю.* Моделирование пространственных факторов развития микрогосударств и территорий Океании: Дис. ... канд. полит. наук. М., 2011.

КОНФУЦИАНСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА

До XIV в. Китай по общему уровню развития не только не уступал, но и превосходил многие страны Запада. После XIV в. в результате ряда причин Китай стал проигрывать в экономическом и военном развитии странам Запада, затем превратился в их полуколонию. С конца XX — начала XXI в. он начал преодолевать этот исторический многовековой «разрыв» и — серьезно конкурировать с ними в области экономики, науки и др.

Китайская цивилизация во многом основывается на конфуцианском учении (если точнее — на даосизме, конфуцианстве, китаизированном буддизме), традициях легизма, а также своеобразном стиле мышления и менталитете китайцев. Взгляды Конфуция по сегодняшний день являются характерной чертой общей и политической культуры Китая, составной частью культурной матрицы Дальневосточной, конфуцианской цивилизации. Это единственная цивилизация на Земле, названная именем конкретного человека.

Конфуцианство является особой разновидностью рационализма. Если в основе протестантского рационализма лежали личностные, патримониальные отношения, то в основе конфуцианства — «обряд» справедливости, улучшение нравов, выбор и обретение достойных наставников, наставления в соблюдении меры потребления. Средство исправления нравов народа — ритуал и конфуцианское образование, люди «здорового смысла». Если деятельность пуританина обуславливалась во многом энтузиазмом отдельной личности, то жизнь конфуцианца опосредовалась ритуалом традиции, клановых отношений, долгом, самосовершенствованием. Устойчивость социальных отношений в конфуцианстве, с другой стороны, могла выступать тормозом при решении производственных задач, если они не инициировались передовой элитой.

В конфуцианстве существуют различные направления. Среди ученых и политиков обсуждается вопрос о совместимости идей демократи-

ческого развития общества с конфуцианством. Многие исследователи отмечали, что традиционное конфуцианство следует считать скорее авторитарной концепцией, чем демократической, несмотря на его гуманистические принципы¹. Другие, например, Ф. Фукуяма (в работе «Конфуцианство и демократия»), пытаются рассмотреть те сферы китайского общества, где конфуцианство не противоречит демократии². Среди них: традиционная конфуцианская система государственных экзаменов для отбора претендентов на должности в госаппарате; внимание к образованию (высокий образовательный уровень является важной основой демократического развития); роль большой семьи как своеобразного института гражданского общества; значение базовых семейных ценностей и их распространение на все сообщество и управление; определенная толерантность конфуцианства и его открытость к новациям и др.

Конфуцианские принципы сыграли важную роль в формировании китайской экономической стратегии. Среди них: опора на собственные силы и поддержка национальных производителей, развитие разных форм собственности. Можно выделить принцип «срединности», включающий сочетание модернизации с интересами развития китайского общества, вхождение Китая в мировой рынок при защите национальных интересов и культуры, наличие в стране единого центра управления хозяйством и его гибкие отношения соподчинения с региональными субъектами.

Все сказанное выше свидетельствует о богатых возможностях конфуцианства в целом как диалектической системы традиционных принципов развития китайской культуры и цивилизации, которые всегда открыты для многообразных модификаций и трансформаций в соответствии с очередными вызовами эпохи и времени, но всегда на национальной почве.

Дальневосточная конфуцианская цивилизация — одна из древнейших в мире — охватывает страны наиболее динамично развивающегося, колоссального по своему природному и человеческому потенциалу, мирового макрорегиона, включающего Китай, Тайвань, Японию, КНДР, Республику Корея, Вьетнам, Сингапур, Филиппины и др. Характерной особенностью этой цивилизации является ее конфуцианская политическая и культурная матрица.

Особую роль в этом макрорегионе и во всем мировом сообществе, особенно в последние четыре десятилетия, играет Китай, что объясня-

Конфуцианская цивилизация и вызовы XXI века

ется его природным, человеческим, индустриально-технологическим, научным, культурным и военным потенциалом.

В соответствии с официальными данными международных организаций (Всемирного банка и др.) Китай в середине 2010 г. превзошел по объему своего внутреннего валового продукта Японию и занял по этому показателю 2-е место в мире (после США) (табл. 1).

Таблица 1

ВВП 35 стран мира в 2011 г., имеющих высшие показатели

№ п/п	Страна	Объем ВВП, трлн долл.
<i>Евросоюз в целом *</i>		18 852
1	США	14 331
2	Китай	7 800
3	Япония	4 348
4	Индия	3 267
5	<i>ФРГ</i>	2 863
6	Россия	2 230
7	<i>Великобритания</i>	2 228
8	<i>Франция</i>	2 097
9	Бразилия	1 990
10	<i>Италия</i>	1 821
11	Мексика	1 599
12	<i>Испания</i>	1 378
13	Канада	1 307
14	Южная Корея	1 278
15	Индонезия	916
16	Турция	906
17	Иран	842
18	Австралия	800
19	Тайвань	738
20	<i>Нидерланды</i>	670
21	<i>Польша</i>	667
22	Саудовская Аравия	582
23	Аргентина	575
24	Таиланд	553

Окончание табл. 1

№ п/п	Страна	Объем ВВП, трлн долл.
25	Южная Африка	489
26	Пакистан	453
27	Египет	442
28	Колумбия	400
29	<i>Бельгия</i>	390
30	Малайзия	387
31	Венесуэла	356
32	<i>Швеция</i>	349
33	<i>Греция</i>	343
34	Нигерия	338
35	Украина	337

* Страны ЕС выделены курсивом.

КНР обладает самым большим человеческим потенциалом на планете в сравнении с другими странами. Численность населения 15 наиболее населенных стран мира выглядит следующим образом. В КНР проживают 1380 млн человек; в Индии — 1165; США — 301; Индонезии — 246; Бразилии — 193; Пакистане — 173; Бангладеш — 157; Нигерии — 146; России — 142; Японии — 127; Мексике — 110; на Филиппинах — 94; во Вьетнаме — 87; в Германии — 82; Египте — 82 млн человек

Дополнительным человеческим фактором успешного экономического развития Китайской Народной Республики является также поддержка ее курса со стороны *хуацяо* — многих десятков миллионов выходцев из Китая, этнических китайцев за рубежом. Они проживают прежде всего в соседних государствах Дальневосточного ареала, часто крупными общинами (в Малайзии 25% жителей — этнические китайцы, в Таиланде — 12%), а также расширяют свое присутствие и в других регионах (Северной Америке, Западной Европе и в России, особенно в ее приграничных с Китаем территориях). *Хуацяо* играют важную роль в аккумуляции финансов и реализации соответствующих бизнес-планов, этнических и геополитических целей. Для пекинского правительства люди китайского происхождения, даже с другим гражданством, являются членами сообщества и посему в некоторой степени подвлас-

тны китайскому правительству. Китайцы — люди одной «расы, крови и культуры».

По своему размеру территория КНР сопоставима с территорией Канады или США. Размеры территорий 10 наиболее обширных стран мира выглядят следующим образом: Россия — 17 075 тыс кв. км; Канада — 9976; КНР — 9596; США — 9518; Бразилия — 8511; Австралия — 7686; Индия — 3287; Аргентина — 2766; Казахстан — 2727; Судан — 2505 тыс кв. км.

Возрастает роль группы БРИКС в мировой политике и экономике (табл. 2), где КНР занимает важное место³. Уже сегодня экономический потенциал этих стран приблизился к 25% мирового ВВП. К 2050 г. экономика БРИКС, возможно, превысит суммарный потенциал экономик «Большой семерки» (США, Великобритания, Италия, Канада, ФРГ, Франция, Япония). К этому времени совокупное население БРИКС, возможно, составит 40% мирового, а их ВВП — 15 трлн долл. В ближайшие годы Индия и Китай могут стать крупнейшими поставщиками инноваций, товаров и услуг в мире, а Бразилия и Россия — основными мировыми сырьевыми источниками, производителями металлоемкой продукции, военного оборудования и др.

Таблица 2

Мировой и геополитический потенциал БРИКС

Страна	Население, млн чел. (место в мире)	Территория, тыс. кв. км (место в мире)	Рейтинг ВВП, млрд долл. (место в мире)
Бразилия	193 (5-е)	8,512 (5-е)	1,990 (9-е)
Россия	142 (9-е)	17,075 (1-е)	2,225 (6-е)
Индия	1160 (2-е)	3,287 (7-е)	3,267 (4-е)
Китай	1400 (1-е)	9,600 (3-е)	7,800 (2-е)
ЮАР	50 (25-е)	1,220 (24-е)	505 (26-е)

В мировой политике повышается роль «Группы двадцати» ведущих государств мира. G20, или «Большая двадцатка», — группа наиболее развитых индустриальных стран, которая была создана в ответ на финансовые кризисы конца 1990-х и растущее сознание того, что страны с развивающейся рыночной экономикой (англ. *emerging-market countries*) не были адекватно представлены в мировых экономических обсуждениях и принятии решений.

Программа превращения Китая в современную постиндустриальную державу и перехода в постиндустриальное общество охватывает продолжительный период с 80-х годов XX в. и большую часть XXI в. Однако ключевой вехой на этом пути является «трехшаговая» стратегия развития (1980–2050 гг.). В период до 2010 г. намечено создать «целостную систему социалистической рыночной экономики» и поднять жизненный уровень всего населения «до уровня малого благосостояния» («сяокан»). Следующий этап (2011–2030 гг.) — этап развернутой научно-технической революции и создания основ информационного общества. Третий этап (2031–2050 гг.) должен поднять Китай до уровня развитых стран и к середине XXI в., выражаясь словами китайских политиков, «засыпать падь», отделяющую Китай от высокоразвитых стран в области экономики и техники.

Китайская Народная Республика демонстрирует устойчивые и высокие темпы экономического роста, значительные достижения в сфере промышленности, ракетно-космического производства, электроники и др. В 2003 г. в КНР был успешно осуществлен запуск первого китайского космонавта и Китай стал третьей в мире космической державой. В 2016 г. планируется высадить на Луне китайских космонавтов, а в 2030 г. — открыть постоянную лунную обитаемую китайскую базу. Параллельно активно ведутся военно-научные исследования Арктики.

Отличительной чертой развития Китая, как и ряда других стран Дальневосточного географического и цивилизационного ареала, является, с одной стороны, широкое использование ими достижений мировой научно-технической революции и всемирного рынка; с другой — эти процессы осуществляются при важной (определяющей) роли традиционных социально-политических и иных институтов, структур и отношений, менталитета населения. Важную роль играют: регулирующая роль государства, всемерная поддержка им китайской экспансии экспортных операций, дешевая рабочая сила, высокая норма внутренних накоплений. Следует выделить и то, что большая часть значительных зарубежных инвестиций в Китай представлена *прямыми капиталовложениями* в сферу материального производства. Кроме того, многие инвестиции имеют ярко выраженный *этнический характер* — представляют собой вклады этнических китайцев со всего мира. Подобная техногенно-экспортно-традиционалистско-этническая стратегия нацелена как на сохранение устойчивости и управле-

мости китайского общества в условиях XXI в., так и на постоянное повышение его *конкурентоспособных качеств* в производстве соответствующих видов товаров и услуг, общем усилении геополитического и/или этнокультурного влияния.

Страны, которые исторически оказались в сфере влияния китайско-конфуцианской цивилизации, вот уже более трети века демонстрируют значительные успехи в социально-экономическом развитии, независимо от политической ориентации: достигнутые результаты процесса модернизации в рыночном социалистическом Китае впечатляют не меньше, чем научно-техническое «чудо» постиндустриальной Японии в конце XX в. Общей социокультурной основой их развития является «замешенная» на конфуцианстве система общественных отношений, социальных и политических институтов и ценностей. Эта сложносоставная система образует как бы некоторое структурное ядро, которое и определяет социокультурный характер модернизационных сдвигов, задает тон в жизни общества и государства. В результате веками отлаженный и мощный конфуцианский социальный генотип срабатывает во многом как бы автоматически. Патриотизм, дух патернализма, жесткая привязанность младших к старшим, высокая культура труда, его дисциплина и организация, развитое чувство долга, ответственности — все эти и другие элементы конфуцианской морали и трудовой этики в значительной степени способствовали прогрессу — вначале Японии, а затем так называемым «малым драконам»: Гонконгу — ныне часть Китая, Тайваню, Южной Корее, Сингапуру. Малайзии и др.

Конфуцианская традиция как бы «окультуривает» и синтезирует современную капиталистическую структуру Востока, сглаживает некоторые свойственные западному капитализму эпохи индустриализма противоречия, проявляющиеся в отчуждении, упадке моральных стандартов, меркантилизме, пренебрежении к духовным началам в пользу материальных и т.д. Более того, ряд ученых полагает, что восходящий к китайско-конфуцианской традиции японский эталон развития по многим параметрам становится ныне оптимальным, превосходящим европейский и американский.

У китайцев есть некоторые психологические и культурные особенности восприятия картины мира. Хорошо известно, что китайцы живут по шестидесятилетнему, цикличному восточному календарю (двенад-

цать лет по пять циклов и/или срок жизни трех поколений (по 20 лет). Они также используют на базе изобретенной ими же десятичной системы исчисления тринитарную логику («исключенного третьего»). Отсюда некоторые особенности «китайского мышления», которые состоят в нахождении и привлечении «третьей силы» при явном противоборстве двух сторон. Отсюда же то, что не было сказано, но может оказаться основным смыслом в китайском ответе, которого как бы нет. Древняя китайская максима гласит: «Кто знает — молчит, а кто не знает — говорит». Важным у китайцев следует считать то, что не высказано.

Важнейшее качество китайского менталитета состоит в том, что китаец везде и всегда остается китайцем («хань»). Китайцы — это величайший этнический монолит на Земле, где «хань» составляют до 95% населения страны. У современных китайцев доминирует одна (2-я) группа крови и генетически от большинства кровосмешений других этносов с китайским получается, как правило, китаец. Этнические и характерные культурные черты китайцев (достаточно обратить внимание на их сложнейший язык и иероглифическое письмо⁴ своеобразны и очень устойчивы. Вне родины, китайцы также традиционно живут большой семьей, общиной, кланом или сохраняют теснейшие связи. Китаец может достичь значительных успехов за рубежом, но он обычно не теряет связи с родиной, всегда готов для нее сделать все возможное и мечтает вернуться к родным очагам. У многих китайцев подспудно выражено некое чувство природного преимущества по отношению к иностранцам или снисхождения к ним в целом. Китайцы осознают, что они являются одним из древнейших этносов (народом, нацией, цивилизацией) на планете. Им принадлежит честь многих выдающихся открытий. У них соответствующие исторические представления о роли Китая в мире. Каждый китаец ощущает, что за ним стоит еще миллиард этнических братьев.

Самоназвание Китая («Чжун го») — означает «Срединное государство». Это смысловое понятие отражает традицию представлений китайцев о самих себе именно как о «Срединном царстве», т.е. о центре цивилизованного мира⁵. Даже сама картинка иероглифа «чжун» означает центр, середину и сразу «подтягивает» мысль именно к этому смыслу. Соответственно другие государства в китайской традиции находятся, как бы по краям от Китая, над которым светит солнце, находящееся в зените. Отсюда: «Страна крайнего Юга» — Вьетнам; «Страна

восходящего солнца» — Япония; «Страна заходящей предрассветной Луны» — Монголия и др. Еще дальше от «Чжун го» находятся страны Европы и Америки: «Государство логики закона» — Франция; «Прекрасное государство» (для эмигрантов) — США, «Государство неожиданностей» (затягивания и мгновенных перемен) — Россия и др.

Со времен Конфуция китайская империя носила название Поднебесной; днем она находилась прямо под солнцем, в другое время — ориентировалась на яркую Полярную звезду — точку схода мирового круговорота и небесный знак державной власти. Многие города и здания в Китае сориентированы по линии именно с Юга на Север. И прежде всего родовая усадьба-мемориал Конфуция — «Учителя «Поднебесного мира», — в котором основные постройки располагаются одна за другой вдоль центральной оси храмового комплекса в направлении с юга на север. И чем дальше на север, тем величественнее здания и выше местность, хотя здания имеют одинаковую высоту — ведь небо повсюду одинаково удалено от Земли. Точно так же спроектирован и Императорский ансамбль — Дворец Гугун в Пекине (около 10 тыс. помещений), в котором на протяжении 500 лет жили и царствовали китайские императоры. Императорский дворец считался абсолютным поднебесным центром. Рассматриваемая традиция не могла не запечатлеться в памяти поколений.

Со времен Мао Цзэдуна известна китайская географическая карта, на которой определены территориальные претензии КНР к России, Казахстану, Узбекистану, Индии, Бирме («Во времена династии Цинь вся Азия была нашей»). КНР уже имеет современную систему ракетных вооружений различных модификаций и видов дальности. Ядерные бомбы Пакистана и его ракеты среднего радиуса действия созданы при поддержке КНР. КНР имеет 4 тыс. ядерных боеголовок, 400 межконтинентальных баллистических ракет DF-5 (SS-18) дальностью до 8 тыс. км. Глубина их тоннелей — до 2 км, и они образуют целые подземные города — подземный ядерный щит.

Современный Китай руководствуется стратегической программой развития Китая до 2020 г. (принята XVIII съездом КПК в 2007 г.), которая выстроена на основе двух концепций, представленных Председателем КНР Ху Цзиньтао — «научного развития» и «социальной гармонии». Согласно первой, экономика КНР должна отойти от сложившейся в 1990-е годы модели роста за счет экспорта дешевых то-

варов и сконцентрироваться на разработке собственных передовых технологий. Другим источником роста должно стать увеличение внутреннего потребления. Наконец, важными задачами объявлено укрепление рынка, реформа госпредприятий и постепенный демонтаж государственных монополий. В итоге к 2020 г. Китай должен увеличить ВВП в четыре раза по сравнению с 2000 г.

Четвертая модернизация Китая (после аграрной, индустриальной и военной) — это эффективное использование достижений НТР, научно-техническая и технологическая постиндустриальная модернизация. Характерно, что обучение и особенно повышение квалификации ученых и управленцев обычно ведется за рубежом в ведущих мировых центрах; с 1996 г. управленческий персонал науки и наукоемких производств набирается только по конкурсу. На науку выделяется до 10% бюджета — это один из самых высоких в мире показателей.

Идеи «социальной гармонии» призваны уберечь Китай от общественных потрясений вроде «цветных революций» на постсоветском пространстве. Дело в том, что реформы в КНР в основном коснулись горожан и жителей восточных приморских провинций, в то время как почти 800-миллионное китайское крестьянство во многом так и не вкусило плодов преобразований. Выход руководство КНР видит в создании среднего класса, для чего государство усилит поддержку малого бизнеса, а также увеличит финансирование бюджетников.

Если к 2020 г. эти задачи удастся реализовать, то Китай наверняка начнет заявлять о своих правах на мировое лидерство. Уже сегодня руководителям Китая рекомендуется «вырабатывать глобальный кругозор и стратегическое мышление», активно создавать «благоприятную внешнюю среду для мирного подъема Китая».

В свое время президент США Р. Рейган справедливо заметил, что «Америка никогда не уступит ни одной стране мира первенство в информационных, военных и банковских технологиях, ибо потеря даже одного из этих приоритетов «технологической безопасности» аналогична проигрышу в войне». Именно по этим направлениям Китай и начал конкурировать с США (второе место в мире по расходам на вооружение, первое место в мире по золотовалютным запасам, наибольшее количество граждан страны, использующих Интернет, мобильную связь, попытки силового захвата близлежащих островов, имеющих стратегическое значение, и др.

Конфуцианская цивилизация и вызовы XXI века

¹ *Huntington S. Democracy's Third Wave // Journal of Democracy. 1991. No 2. Spring. P. 24.*

² *Fucuyama F. Confucianism and Democracy // Journal of Democracy. 1995. Vol. 6. No 2. P. 28–33.*

³ БРИКС (англ. *BRIC*) — устоявшаяся аббревиатура от названия четырех быстро развивающихся стран (*Brazil, Russia, India, China*). Сокращение было впервые предложено Goldman-Saks (один из крупнейших коммерческих банков, штаб-квартира в Нью-Йорке, капитализация 74 млрд долл.) в ноябре 2001 г. С 2010 г. в составе БРИКС принимает участие и Южная Африка (*South Africa*). Отсюда — БРИКС.

⁴ Общее число иероглифов — носителей кода — более 50 тыс. Понятно, что их возможности в этом смысле шире, чем знаковые коды других языков.

⁵ Интересно, что попытка британской дипломатической миссии показать на глобусе точное место Китая в конце XVIII в. привела к дипломатическому скандалу: китайцы оскорбились, увидев меньшие, чем они ожидали, размеры тогдашнего Китая.

БЛИЖНИЙ ВОСТОК: ЛОГИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕЖИМНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ (2010–2012 гг.)*

Регион Ближнего Востока и Северной Африки часто называют «заповедником авторитаризма». Эксперты «Экономист интеллидженс юнит» оценивают средний уровень развития ближневосточной демократии в 3,62 балла (2011) при среднемировом значении 5,49 (максимальное значение — 10). Только четыре арабских режима отнесены ими к гибридным (Тунис, Ливан, Палестина и Ирак), остальные — к авторитарным¹. В чем же причины устойчивости этих режимов и каковы характер и тенденции общественно-политических трансформаций, открытых «арабской весной»?

С началом постбиполярной эры и активного подключения к капиталистической интернационализации/глобализации арабские элиты были вынуждены задуматься о политических реформах с целью повышения уровня управляемости и укрепления легитимности во внутренней и международной сферах. Наиболее выразительными сигналами либерализации стали Основной закон правления и Закон о Консультативном совете в Королевстве Саудовская Аравия (КСА) в 1993 г., а также первые альтернативные прямые президентские выборы в Египте в 2005 г. С 2003 г. в КСА (при формальном, как и в других аравийских монархиях, запрете политических партий) стал функционировать Центр национального диалога имени короля Абдель Азиза с целью создать «новую среду, способствующую диалогу между различными секторами общества во имя продвижения общественного интереса и консолидации национального единства на основе ислама»². Важным фактором стабильности арабских монархий (КСА, Кувейта, Иордании и др.) стала отлаженная с помощью иностранных специалистов система административного управления.

* Доклад подготовлен при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 12-03-00468 «Ислам и современное политическое развитие мусульманских государств».

Однако одновременно с либерализацией имело место ужесточение контроля над оппозицией, СМИ и уровнем политических прав и свобод (чаще всего под предлогом борьбы с исламистским экстремизмом). В первую очередь это касалось сильных исламистских организаций. Например, в Тунисе при формальном сохранении многопартийности бывший президент Зин аль-Абидин бен Али в 1992 г. запретил партию «Ан-Нахда» («Возрождение») и обеспечил политическую монополию собственной Конституционно-демократической партии. Хосни Мубарак сохранил в Египте действие закона о чрезвычайном положении, введенного после убийства президента Анвара Садата в 1981 г., и отказался легализовать крупнейшую оппозиционную ассоциацию «Братьев-мусульман», члены которой участвовали в выборах либо в качестве независимых кандидатов, либо в блоке с другими партиями, заведомо проигрывая «партии власти». Более того, поправки в конституцию, внесенные в 2007 г., закрепили запрет на создание партий на основе религии и ссылок на религию, а выдвижение кандидата на пост президента могло быть осуществлено только зарегистрированной партией³. Бюрократический контроль режима над идейно-политической сферой привел к застою не только в политической, но и в культурной жизни. В стране резко упали число и тиражи издаваемых газет, журналов, книг.

В Сирии, где в 2000 г. власть после смерти президента Хафеза Асада перешла к его сыну, была конституционно закреплена ведущая роль левоцентристской партии «Баас», которой принадлежало право выдвижения кандидата в президенты. Национальный прогрессивный фронт, состоящий из «Баас» и ее союзников, в 2007 г. получил на парламентских выборах 167 мест из 250. И в Сирии, и в Египте значимую роль в общественно-политической жизни играла армия, имеющая собственную экономическую базу (часть госсектора): промышленные предприятия, строительный бизнес, пенсионные фонды, туризм и др.

В Ливии Муаммар Каддафи продуктивно использовал традиционные институты (союзно-вассальные связи племен и ислам). Племенной этнос был соединен с «третьей мировой теорией», которая трактовала демократию как систему народного самоконтроля. Все население страны делилось на первичные народные собрания. Всеобщий народный конгресс по сути представлял собой разновидность великого совета, одобрявшего решения первичных собраний, но не делавшего полити-

ку. Подлинным законом общества в «Зеленой книге»⁴ были провозглашены ислам и обычай. Власть стала принадлежать всем — и вопрос о ее подотчетности как бы отпал. В таких условиях не нужна была и формальная институционализация лидерства: Каддафи стал «просто» вождем. Единственными живыми политическими организмами оказались законсервированные традиционалистские силы — племена и разнообразные исламские группы.

Причудливое сочетание авторитарных и либеральных начал позволяет определить выживаемость арабских режимов в 1990–2000-х годах как комбинацию функций репрессивного принуждения и легитимности, при которой уровень репрессий относительно стабилен, а уровень легитимности власти и ее источники изменяются. Вовне в институциональном плане легитимность стали поддерживать новые или реорганизованные политические и общественно-политические институты (выборы, партии, неправительственные организации, гуманитарные фонды) и либо бюрократическая ротация в элитах, либо их расширение за счет представителей бизнеса и технократов. Широкое распространение получила «экономизация» политического дискурса — удержание в поле общественного внимания в первую очередь вопросов экономики, финансов, технологий.

Использование современных политических форм свидетельствовало, безусловно, о проникновении в регион новых политических стандартов, но не о демократизации. Умеренно-альтернативные выборы, расширение парламентского представительства и создание неправительственных организаций имели целью удержать управляемость политической системы путем неформальных сделок с представителями традиционных элит на местах и дозированного доступа оппозиции в легислатуры. Но и большинство населения в силу доминирующего типа культуры (парохиально-подданнического) голосовало (там, где существовал институт выборов) не за партийные программы или идеологию, а за кандидатов, которые, как предполагалось, обеспечат им определенные личные блага (помощь в поиске работы, получении лечения и др.). Уровень электоральной активности оставался низким: например, в Египте в парламентских выборах 2005 г. принимали участие менее 28% избирателей, в президентских — менее 24%⁵. Агрегация интересов преимущественно через патрон-клиентские связи (это также очень характерно для монархических систем, где поддерживается

традиционный доступ населения к власти имуществом) определяла видимую статичность политического процесса.

Как ни парадоксально, но реально действующими социальными организациями, способными обеспечить лояльность индивидов, служить сетями политической коммуникации и участвовать в урегулировании возникающих конфликтов, оставались мусульманские общины. Опора на общины обеспечивала умеренным исламистским организациям политическую автономию.

Почему недемократические режимы арабского региона⁶ так долго сохраняли свою устойчивость? На наш взгляд, дело здесь не в «хронической несовместимости ислама с демократией»⁷, а в том, что они имеют свои источники легитимности и управления: традиционные ценности, патронаж при опоре на государственные ресурсы, возможность прибегать к силе наряду с современными институциональными формами. Словом, они способны адаптироваться к требованиям среды, пока не столкнутся с острым дефицитом ресурсов и институциональными сбоями.

Арабский Восток в мировой политике демократизации

Освобождение Кувейта силами многонациональной коалиции во главе с США в 1991 г. стало первым масштабным актом вхождения Запада в ближневосточное пространство после распада биполярности. Успех этой операции выявил новые возможности установления многостороннего контроля над регионом и его подключения к процессам формирования нового мира.

В начале 1990-х годов Европейский союз приступил к подготовке проекта Евро-средиземноморского партнерства (*EUROMED*)⁸, старт реализации которого был дан учредительной конференцией в Барселоне (1995 г.). Проект имел как двусторонний (страновые соглашения об ассоциации с ЕС), так и макрорегиональный (интеграционный) характер и был направлен, особенно учитывая участие Израиля, на установление новых рамок геополитического взаимодействия с арабскими соседями и превращение Средиземноморья в зону мира и стабильности⁹.

В 2004 г. произошло дополнение *EUROMED* стратегией Европейской политики соседства (*European Neighbourhood Policy — ENP*), в которую после снятия международных санкций вошла также и Ливия.

Однако несмотря на наличие постоянного механизма обсуждения, организационной структуры и специального бюджета, результаты реализации евро-средиземноморской инициативы к середине 2000-х годов выглядели неоднозначно. В частности, среди недостатков эксперты отмечали отсутствие ясного политического месседжа, недостаточность усилий по запуску реформ, несбалансированность отношений между членами ЕС и партнерами, медлительность в финансовом сотрудничестве, бюрократизм¹⁰. Крайне негативное влияние на деятельность *EUROMED* оказала война в Ираке.

Вдохнуть жизнь в затухающее сотрудничество был призван проект нового союза, который ограничил бы число участников партнерства средиземноморскими странами. Он был выдвинут бывшим президентом Франции Николя Саркози, но встретил сильную оппозицию со стороны Германии, воспринявшей его как продвижение национальных интересов Франции за счет ЕС. В итоге проект Средиземноморского союза (*Union for Mediterranean — UfM*) был представлен как естественное продолжение Барселонского процесса и региональное дополнение к *ENP*. Его стратегическими целями остались экономическая интеграция и демократические реформы, хотя приоритетные направления были приземлены и конкретизированы¹¹.

Наряду с ЕС демократизацией региона были озабочены НАТО, «Группа восьми», институты ООН и, конечно, США, декларировавшие продвижение реформ на Арабском Востоке в качестве внешнеполитической цели.

В 1994 г. был запущен Средиземноморский диалог, мыслившийся как форум сотрудничества в целях содействия региональной безопасности и лучшему взаимопониманию между НАТО, Израилем и шестью арабскими странами¹². Эта структура объективно была обречена на достаточно ограниченную роль из-за политических разногласий между участниками. В 2004 г. она была дополнена Стамбульской инициативой сотрудничества¹³, принятой в целях развития уже практического двустороннего сотрудничества с заинтересованными странами региона.

В 2004 г., после вторжения в Ирак, США на саммите «Группы восьми» выдвинули мегаплан «Большого (расширенного) Ближнего Востока», предусматривающий ускоренное продвижение политических и экономических реформ на территории от Мавритании до Пакистана. Однако у самой американской администрации так и не возникло

обоснованных идей относительно того, как можно реально добиться поставленных задач, если не считать предложения работать над соглашением о зоне свободной торговле (по аналогии с *EUROMED*) и специализированных программ Государственного департамента в рамках Инициативы ближневосточного партнерства (*The Middle East Partnership Initiative — MEPI*). Основным каналом продвижения «демократии» стали постоянное внешнеполитическое давление и деятельность различных правительственных и неправительственных организаций, в первую очередь Агентства США по международному развитию (*United States Agency for International Development — USAID*), Национального фонда поддержки демократии (*National Endowment for Democracy — NED*) и *MEPI*, по развитию гражданского общества.

NED фактически является правительственной структурой, хотя формально может дистанцироваться от официальной линии США. Это, в частности, позволяло Фонду поддерживать контакты с умеренными исламистами¹⁴. В 2000-х годах он активно занимался микрофинансированием различных общественных организаций и акций.

Усилия *MEPI* в основном сосредоточены на проведении общественно-политических и просветительских акций, включая финансирование либеральной прессы. Часть ее проектов осуществлялась через американские дипломатические представительства, совместные торгово-промышленные палаты и деловые советы.

Крупнейшая из этих организаций — правительственная *USAID* — работает непосредственно с властными структурами соответствующих стран с целью реализации программ помощи. Агентство имеет общий стратегический план действий с Государственным департаментом, цели которого предусматривают в том числе содействие «справедливому и демократическому правлению». В 2008 г. в его распоряжении было более 24 млрд долл., в 2010 г. — около 32 млрд¹⁵.

Однако многочисленные инициативы по продвижению демократии и развитию гражданского общества (политика «мягкого влияния») объективно были значительно ограничены как авторитарной природой арабских режимов, так и спецификой самих гражданских структур, где, как отмечалось выше, ведущую роль играют исламистские организации, отвергающие принципы либеральной демократии. Это создавало серьезные проблемы для американской внешней политики — фактически у США на ближневосточном направлении не было средств

влияния на внутривосточную ситуацию (за исключением прямого вмешательства по типу иракского). С приходом к власти Барака Обамы и началом мирового экономического кризиса финансирование «программ демократизации» было сокращено.

США придавали огромное значение строительству демократии в Ираке, рассматривая его как своего рода пилотную страну региона. Однако в 2006 г. из-за истощения финансовых и военно-технических ресурсов началась пробуксовка «войн за демократизацию», да и вся политика «принуждения к партнерству» (Алексей Богатуров), оказалась в подвешенном состоянии. Двойственный характер имела известная речь Обамы в Каире (2009 г.), где он много говорил об уважении к исламу, воле народов и суверенитете Ирака, но также о приверженности демократии и готовности повсюду поддерживать права человека¹⁶.

Экономические реалии, привнесенные капиталистической интернационализацией 1990-х годов, также имели для арабского мира противоречивые последствия. Либерализация экономики¹⁷ и сотрудничество с такими международными институтами, как МВФ и Всемирный банк, позволили ему подключиться к мировым хозяйственным связям, привлечь инвестиции, получить технологическую поддержку, осуществлять инфраструктурные программы и др., но вместе с тем сделали заложником мировой экономической конъюнктуры. Страны, которые прибегали к помощи МВФ, были вынуждены соблюдать финансовую дисциплину и ограничивать социальную нагрузку бюджета. Особенно болезненно это было для тех, кто не входил в круг крупнейших экспортеров углеводородов и имел в силу прошлой «социалистической ориентации» значительный государственный сектор экономики (Египет, Тунис, Сирия). Реформа этого сектора, помимо социально-экономических последствий, была весьма чувствительной в силу его идейной привязки к борьбе за независимость, арабскому социализму и эгалитаризму.

В результате структурной перестройки экономики по крайне консервативному (или, точнее, неолиберальному) Индексу экономической свободы 2010 г. «преимущественно свободным» был признан Бахрейн, «умеренно свободными» — Катар, Кувейт, Оман, ОАЭ, Иордания, Королевство Саудовская Аравия (КСА), «преимущественно несвободными» — Ливан, Марокко, Египет, Тунис, Алжир, «подавляемыми» — остальные¹⁸.

Мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. по-разному, но значительно затронул страны региона, увеличив социально-политическое давление на правящие элиты. Рост цен на продовольствие в первую очередь ударил по нефтяным экономикам (регион является крупнейшим в мире импортером зерновых и продуктов питания). Наиболее диверсифицированные экономики (Египет, Иордания, Ливан, Марокко и Тунис) пострадали от сокращения внешнего спроса (снижение туристического потока, перечислений рабочих-иммигрантов и прямых иностранных инвестиций). Нефтепроизводители выиграли от роста цен на сырье, но высокие цены поддерживались за счет существенного сокращения производства. Они также понесли большие потери от кризиса ликвидности и замораживания оптовых рынков. Кризис усилил противоречия не только между обществом и правительством, но и между бюрократами и группами интересов внутри правительства (например, экономическим менеджментом и политической бюрократией).

Таким образом, внешние усилия по демократизации региона прямо не продвинули демократических реформ и не способствовали созданию политической инфраструктуры урегулирования будущих кризисов. Государственная бюрократия, военные и другие клики продолжали доминировать на политической арене. Не западное влияние стало и непосредственной причиной резкой дестабилизации — и США, и Европа в целом действовали прагматично, особенно после исчерпавших себя «войн за демократизацию».

Однако общее влияние международной среды было очень велико и выражалось прежде всего в так называемых «демонстрационных эффектах» (уровень и качество жизни в различных странах мира, подотчетность власти, функционирование демократических институтов, уважение прав человека и др.), к которым особо восприимчива молодежь. Эти эффекты обусловили и чувство социальной депривации даже в условиях объективного роста уровня жизни. Восприятию новых политических образцов также способствовала трудовая миграция, усилившаяся в результате структурной перестройки экономики и экономического кризиса. Развитие новых коммуникационных и информационных технологий привело к распространению неформальных сетей, которые политические обстоятельства трансформировали в гражданские структуры. Уже в 2008 г. в крупнейшей стране региона — Египте —

насчитывалось 180000 блогов (40% всех арабоязычных социальных сетей)¹⁹. Молодые блогеры успешно использовали электронные СМИ для мобилизации единомышленников на протестные выступления. Группы в *Facebook* и видео на *YouTube* учили, как быть политически равнодушными и фиксировали внимание последователей на острейших политических вопросах, в частности, нарушениях прав человека. Весной 2008 г. в Египте прошли самые массовые за многие годы акции протеста и гражданского неповиновения. Центром протестов стала забастовка рабочих в промышленном районе аль-Махалла аль-Кубра, в ходе которой был выдвинут лозунг отставки Мубарака. Движение, созданное в поддержку бастующих, превратилось в Движение 6 апреля, сыгравшее позднее важную роль в генезисе египетской революции.

Сдвиги, произошедшие в умонастроениях граждан, зафиксировали социологические опросы (табл.). По данным «Пью рисерч сентр» за апрель—май 2010 г., представления о демократии среди граждан семи мусульманских стран выглядели следующим образом (будем иметь в виду, что в несвободных странах часть респондентов опасается отвечать откровенно)²⁰.

Таблица

Страна	«Демократия предпочтительнее любой другой формы правления», %	«В определенных обстоятельствах недемократическое правление может быть предпочтительнее», %	«Для таких, как я, неважно, какую форму правления мы имеем», %	«Не знаю», %
Ливан	81	12	5	2
Турция	76	6	5	13
Иордания	69	17	10	4
Нигерия	66	18	16	1
Индонезия	65	12	19	4
Египет	59	22	16	2
Пакистан	42	15	21	22

Примечательно, что в мае 2011 г. в условиях острейшего кризиса власти и систем жизнеобеспечения на первый вопрос в Египте утвердительно ответили уже 71% респондентов²¹, а на вопрос «Что предпочтительнее: сильный лидер или демократия?» сильного лидера предпочли только 34 %²².

Дестабилизация режимов и последовавшие изменения

Внутренние факторы «арабской весны» можно суммировать следующим образом:

- разбалансированность политической, экономической и культурно-образовательной стратегий правящих режимов;
- социальный конфликт, вызванный как сменой модели взаимоотношений граждан с государством в период экономической и политической либерализации, так и недостаточными компенсаторными механизмами (характерен для государств, лишенных значительных нефтяных доходов);
- отсутствие/слабое развитие инфраструктуры разрешения кризисов (реальной политической конкуренции, структурированной оппозиции, выборов, представительных институтов);
- значительный рост доли молодежи в демографической структуре (в результате всплеска рождаемости в 1985–1990-х годах. 63% населения Ближнего Востока на 2008 г. было моложе 25 лет²³) и формирование нового образованного молодого поколения, социализированного в большой степени в условиях постматериальных ценностей;
- усталость населения от правящих элит из-за отсутствия не только конкуренции, но и ротации;
- оскудение идейных ресурсов политических элит.

Развитие и интенсивность «арабской весны» определялись в каждой из затронутых ею стран конкретными комбинациями факторов и имели широкий спектр проявления — от демонстраций до вооруженных конфликтов и смены режима.

Какие же арабские политики оказались на настоящий момент наиболее глубоко затронуты общественно-политическими трансформациями? Это республиканские системы с неконкурентной политической сферой и не легализованными ранее исламистскими партиями (Тунис, Египет, Сирия); республиканские системы с конкуренцией политических и экономических центров (Ливия, Йемен); монархические системы с совпадающими секторальными (конфессиональными, социально-политическими и социально-экономическими) размежеваниями (Бахрейн).

Логичным представляется рассматривать происходящие изменения в рамках пятой волны демократизации²⁴, начало которой положи-

ло свержение диктатуры Сухарто в Индонезии (1998 г.). «Пятую волну» многие исследователи полагали запаздывающей именно из-за прочных позиций авторитаризма на Ближнем Востоке. Сегодня эти позиции существенно ослаблены. Что позволяет так считать? Во-первых, во всех протестных выступлениях выдвигались (и продолжают выдвигаться) лозунги борьбы с авторитаризмом, за демократию и права человека. Во-вторых, сами события имели массовый характер и развивались «снизу» (не случайно некоторые из них получили название «революций без лидера»). В-третьих, в ряде стран они уже принесли свои плоды в виде демократических выборов, либерализации законодательства, изменения конституций и др.

Свободные выборы в Тунисе, Марокко и Египте свидетельствуют о поляризации сил. Исламистская партия «Ан-Нахда» получила около 40% мест в Конституционной ассамблее Туниса²⁵, исламистская Партия справедливости и развития (ПСР) — 27% мест на парламентских выборах в Марокко (2011 г.)²⁶, исламистская Партия свободы и справедливости (ПСС) — 47,2%, а блок традиционалистских партий во главе с «Ан-Нур» (салафиты)²⁷ — 24,7% мест на парламентских выборах в Египте (2011–2012 гг.)²⁸. Показательно, что наибольшую поддержку завоевали умеренные исламистские партии, имеющие массовую базу, высокую моральную репутацию и призывающие к широкому сотрудничеству на основе общегражданских и культурных ценностей.

В частности, ПСС была образована в апреле 2011 г. «Братьями-мусульманами», осознавшими необходимость идейной и политической реорганизации в новых условиях. Фактически ее создание означало размежевание между членами этой широкой ассоциации, поскольку партия позиционируется уже не как «братская», а как общенациональная. Ее вице-председателем избран известный христианский мыслитель, копт Рафик Хабиб, а учредительные документы подписаны представителями всех провинций страны (среди них 978 женщин и 93 копта).

О политической зрелости ПСС, ее готовности к диалогу свидетельствует позиция руководства «Братьев-мусульман» на последних «мубаракских» промежуточных выборах в Консультативный совет (аналог верхней палаты). Тогда оно достигло договоренности о поддержке единых кандидатов с различными силами оппозиции — от либеральной «Вафд» до левой «Таджамма'». В провинции Асьют, где не раз происходили конфликты между мусульманами и коптами, «Братья-му-

сульмане» поддержали кандидата-христианина. В преддверии выборов 2011 г. ПСС приняла решение отказаться от испытанного лозунга «Ислам — вот решение» в пользу нового: «Свобода — вот решение, справедливость — путь к ней». И традиционалисты, и исламисты выдвинули своих кандидатов на президентских выборах (май 2012 г.).

Ход и направленность системных трансформаций в арабских полициях в большой степени модифицируются характером текущих этапов государственного и национального строительства. Учет этого обстоятельства позволяет определить перспективы происходящих процессов, взяв за основу общий уровень институционального развития. Они представляются следующими:

- демократизация — в Тунисе, Египете (именно в этих двух полициях в XIX в. появились представительные учреждения и партии);
- для остальных республиканских систем, в частности Марокко и Иордании, — ускорение либерально-демократических реформ;
- для монархий стран Персидского залива — продолжение плавной либерализации;
- состояние политического распада/полураспада — в Ливии, Йемене, Сирии (ситуация в последней во многом зависит от баланса сил в регионе «Большого Ближнего Востока» (КСА — Иран — Турция) и интересов России и Китая.

Вместо заключения: перспективы преодоления кризиса

В настоящее время политические системы затронутых волнениями арабских стран находятся в переходном состоянии. Вектор дальнейшего движения будут определять зависимые переменные: результаты формирования коалиций и политических курсов. Только разработка и реализация новых программ позволят говорить о том, будут ли в обозримом будущем иметь место преобразования, способные уравновесить противоречивые требования и интересы.

По нашему мнению, ислам в политике — не препятствие современному развитию. Можно ли считать радикалами мусульман, чьи жизненные позиции определяет вера в Бога? Для верующих мусульман соединение политического и религиозного не является проблемой —

проблема в том, какие цели ставит изначально санкционированная религией власть, насколько ее курс отвечает национальным интересам.

Иллюстрацией объективности происходящих процессов может быть светская Турция со времен Ататюрка. После очередного перехода власти от военных к гражданскому правительству в 1980-х годах там начинается происходить открытая корректировка самого концепта светского национализма, вызванная необходимостью ускорения развития и, следовательно, укрепления демократической системы как таковой. В 1986 г. при праволиберальном правительстве Тургута Озала была официально одобрена идея национальной культуры, в основе которой лежит тюркско-исламский синтез, что открыло дорогу в политику религиозным сектам и исламистам. Первым «происламским» премьером Турции на короткий срок стал в 1996 г. Неджметтин Эрбакан — и тогда этот выбор казался многим случайным, а сами планы правящей коалиции — наивными. Но это была не случайность, а смена тенденций. В 2002 г. во власть уверенно вошла Партия справедливости и развития — социальные консерваторы, разделяющие приверженность исламским ценностям.

Политический ислам, как показывает исторический опыт, способен эволюционировать. Беда многих исламистских организаций (тех же «Братьев-мусульман») в том, что они, с одной стороны, аморфны, а с другой — не производят ревизии концепций и платформ, разработанных в иные политические периоды. Работы наиболее известного и радикального идеолога «Братьев-мусульман» Сейида Кутба продолжают циркулировать по всему миру, пугая и общественность, и экспертов, хотя относятся к периоду строительства арабского социализма и массовых репрессий против исламистов.

Появление во власти современных исламистских партий, для которых национализм — не антитеза исламу, но компонент его универсальной системы, а демократия, права человека и многопартийные выборы — необходимые предпосылки исламского строя, может быть демократизацией «по-арабски». Условие здесь одно — высокий уровень политической ответственности.

Влияние внешних факторов — международного и регионального сообществ — способно создавать новую структуру политических возможностей. Для региональной арены характерен рост активности «местных» акторов — Турции, Ирана, КСА, Катара, ОАЭ, стремящихся как

использовать ослабление «недружественных режимов» в своих внешнеполитических и экономических интересах, так и помогать «друзьям». Наиболее показательны в этом отношении случаи Сирии, Ливии и Бахрейна (на Бахрейн впервые в истории Совета по сотрудничеству арабских государств Персидского залива — ССАГПЗ — для сохранения правящего режима были введены военные части группировки). В целом внешняя реакция на арабские кризисы подтверждает неопределенность и многофакторность развития современной международной системы и может разнонаправленно влиять на рассматриваемые нами процессы.

Завершить анализ мы хотим словами замечательного исследователя социальных революций Теда Скочпол, содержащими критерии для оценки типа и направленности «арабских революций». По ее мнению, в результате революций «каждый новый режим опирался на более широкую вовлеченность народа в процесс государственного управления страной. Новые государственные организации ... были более централизованными и рационализированными. Таким образом, они были более эффективны для общества и более сильны и самостоятельны для соперников в рамках межгосударственных систем»²⁹.

¹ Democracy Index 2011. A report from the Economist Intelligence Unit. URL: http://www.eiu.com/Handlers/WhitepaperHandler.ashx?fi=Democracy_Index_2011_Updated.pdf&mode=wp&campaignid=DemocracyIndex2011 (дата посещения: 2.09.2011).

² Ахдаф марказ аль-малик Абдель Азиз лиль-хивар аль-ватаний (Цели Центра национального диалога имени короля Абдель Азиза) (на араб.яз.). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.kacnd.org/center_goals.asp (дата посещения: 10.02.2012).

³ Дустур Джумхурийат Миср аль-Арабийя (Конституция Арабской Республики Египет 1971 г. с поправками) (на араб. яз.). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.wipo.int/wipolex/en/text.jsp?file_id=190040 (дата посещения: 12.03.2011).

⁴ Программный труд М. Каддафи, излагающий основы «третьей всемирной теории», противопоставляемой научному социализму и экономике капитализма.

⁵ *Shehata S.* Inside an Egyptian parliamentary campaign // Political participation in the Middle East / Ed. by E. Lust-Okar, S. Zerhouni. L., Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2008. P. 114.

⁶ Из всех стран региона демократические институты реально функционировали, хотя и с перебоями, только в Ливане, где центральная власть исторически слаба.

⁷ *Elhadj E.* The Islamic shield: Arab resistance to democratic and religious reforms. BrownWalker Press, 2006; *Bruce S.* Politics & religion. Cambridge, Malden: Polity press, 2003; *Huntington S. P.* The clash of civilizations and the remaking of the modern world. N.Y.: Simon and Schuster, 1996.

⁸ Евро-средиземноморское партнерство (Барселонский процесс) — соглашения об ассоциации ЕС и 8 арабских стран южного и восточного Средиземноморья (включая Палестинскую национальную автономию), а также Турции и Израиля; статус наблюдателя имели Ливия, Мавритания, Лига арабских государств и Союз арабского Магриба.

⁹ Barcelona declaration adopted at the Euro-Mediterranean conference 27-28.11.1995. URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2005/july/tradoc_124236.pdf (дата посещения: 13.02.2012).

¹⁰ *Rhein E.* Foreword // Calleya S. C. Evaluating Euro-Mediterranean relations. Abingdon, N.Y.: Routledge, 2005. P. ix—x.

¹¹ Euro-Mediterranean partnership (EUROMED). URL: http://eeas.europa.eu/euromed/index_en.htm (дата посещения: 18.01.2012).

¹² Участниками диалога являются Тунис, Марокко, Мавритания, Алжир, Египет и Иордания.

¹³ Арабскими участниками инициативы являются Бахрейн, Катар, Кувейт и ОАЭ.

¹⁴ *Carpenter J. S.* Views of Arab democrats: Advice to America on promoting Middle East reform. A Washington Institute Strategic Report. Wash.: The Washington Institute for Near East Policy, 2008. P. 13.

¹⁵ Fiscal year 2008 Agency financial report. P. 19. URL: <http://www.usaid.gov/performance/afr/index.html> (дата посещения: 14.04.2012); Fiscal year 2010 Agency financial report. P. 21. URL: <http://www.usaid.gov/performance/afr/index.htm> (дата посещения: 14.04.2012).

¹⁶ *Obama B.* Remarks on the new beginning. Cairo university, Cairo, Egypt. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-president-cairo-university-6-04-00> (дата посещения: 18.01.2012).

¹⁷ С 1995 по 2005 г. в ВТО вступили следующие государства—члены Лиги арабских государств: Бахрейн, Джибути, Египет, Иордания, Катар, Кувейт, Мавритания, Марокко, ОАЭ, Оман, Саудовская Аравия, Тунис; еще семь арабских стран являются кандидатами на членство в организации.

¹⁸ По этому индексу, однако, все упомянутые страны опережают Россию; 2010 Index of economic freedom. URL: http://www.heritage.org/index/pdf/2010/index2010_highlights.pdf (дата посещения: 24.01.2012).

¹⁹ What Arab democrats want from our next president. The Washington Institute for Near East Policy. URL: <http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/what-arab-democrats-want-from-our-next-president> (дата посещения: 16.02.2012).

²⁰ Egypt, democracy and Islam. Pew research center Q 17. URL: <http://pewresearch.org/pubs/1874/egypt-protests-democracy-islam-influence-politics-islamic-extremism> (дата посещения: 18.01.2012).

²¹ Arab Spring fails to improve U.S. image. Pew research center Q 8. URL: <http://www.pewglobal.org/2011/05/17/chapter-3-views-of-democracy-and-the-role-of-islam/> (дата посещения: 19.11.2011).

²² Arab Spring fails to improve U.S. image. Pew research center Q 57. URL: <http://www.pewglobal.org/2011/05/17/chapter-3-views-of-democracy-and-the-role-of-islam/> (дата посещения: 19.11.2011).

²³ What Arab democrats want from our next president. The Washington Institute for Near East Policy. URL: <http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/what-arab-democrats-want-from-our-next-president> (дата посещения: 16.02.2012).

Ближний Восток: логика и перспективы режимных трансформаций...

²⁴ В зависимости от интерпретации исторических событий политологи выделяют от трех (С. Хантингтон) до четырех (Ф. Шмиттер) волн демократизации. По нашему мнению, реверсивное движение «от демократизации» на постсоветском пространстве вписывается в откат четвертой волны, а крах диктатуры Сухарто знаменует начало пятой волны демократизации, географически связанной преимущественно с зоной распространения ислама.

²⁵ Final Tunisian election results announced. URL: <http://www.aljazeera.com/news/africa/2011/11/20111114171420907168.html> (дата посещения: 24.01.2012).

²⁶ *Arief A.* Morocco: Current issues. CRS report for Congress. 2011. URL: <http://www.fas.org/sgp/crs/row/RS21579.pdf> (дата посещения: 23.02.2012).

²⁷ Политически активные салафиты, выражая интересы крайне консервативной части мусульман, осуждающих, в частности, сам институт парламента и партий на основании суры «Аль Имран» («И не будьте таковы, как те, которые разделились и стали разногласить...» (3:105), осознали значение свободных выборов, создали партии, выступили единым блоком и включили в свой список женщин, разрешив во втором туре выборов даже не прикрывать на плакатах их лица цветком (!).

²⁸ Аль-Ахрам. 22 января 2012 г. (*на араб. яз.*). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ahram.org/The-First/News/126247.aspx> (дата посещения: 24.01.2012).

²⁹ *Scopol Th.* States and Social Revolutions: A comparative analysis of France, Russia, & China. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВЯЩИХ ЭЛИТ СТРАН АРАБСКОГО ВОСТОКА (на примере Египта)

В период с 2010 г. во многих странах Арабского Востока произошли потрясения, которые затронули все сферы жизни общества и, главным образом, повлияли на дальнейшее политическое развитие государств этого региона. Революции «арабской весны» прошли, а в некоторых странах продолжают происходить, под лозунгом «Народ хочет падения режима», выдвинутым прежде всего в результате недовольства народных масс политическим курсом государства, у власти которого на протяжении многих лет (а в некоторых странах — десятилетий), находилась одна и та же политическая элита.

Арабские революции во многих странах повлекли за собой изменения качественного состава политических элит, что подтверждается наметившейся тенденцией возрастающей роли религиозных элит — представителей исламистских движений, которые теперь в большей степени, чем в дореволюционный период, оказывают воздействие на процесс политического управления государством и становятся частью политической элиты, что наиболее ярко демонстрируют современная структура и состав политической элиты Египта.

Политическая элита представляет собой «внутренне сплоченную, составляющую меньшинство общества социальную группу, являющуюся субъектом подготовки и принятия (или влияния на принятие/непринятие) важнейших стратегических решений и обладающую необходимым для этого ресурсным потенциалом»¹.

Понятие элиты в политической терминологии арабского языка передается словом *نخبة*, что в переводе означает «избранное, отборное». Современные арабские исследователи разделяют западноевропейские трактовки понятия «элита», однако наряду с этим выделяют дополнительные критерии определения принадлежности к элитным кругам²: социальный критерий (согласно которому к элите принадлежат знат-

ные, заслужившие свой статус люди, остальные образуют массу); религиозный критерий, отражающий степень овладения вероучением, т.е. к элите относятся люди, одаренные от природы, хорошо знающие религию³; интеллектуальный критерий, согласно которому к элитарным кругам причисляются те немногие, которые способны мыслить.

Политическая элита Египта, которую получила страна накануне революции «арабской весны», начала формироваться еще в середине XX в.

В результате военного переворота 23 июля 1952 г., известного под названием Июльская революция, к власти пришли представители военных кругов — младшие и средние офицеры, выходцы из деревень и малообеспеченных слоев, которые после ухода английских войск из Египта в 1936 г.⁴ поступили на военную службу. В 1949 г. они во главе с подполковником Гамалем Абдель Насером основали организацию «Свободные офицеры», которая спустя три года совершила революцию, свергнувшую монархическое правление короля Фарука, и провозгласила республику.

Г. А. Насер получил широкие властные полномочия, став заместителем председателя Совета революционного командования при председательстве генерал-майора Мохаммеда Нагиба, который в июне 1953 г. стал первым президентом Египта. Однако президентство М. Нагиба длилось недолго из-за сильных разногласий с Г. А. Насером в вопросах будущего страны. Последний был ярким сторонником панарабизма, хотел перенести ценности революции на другие страны Арабского Востока, был против политического плюрализма и вообще существования партий (Совет революционного командования запретил деятельность партий в стране) и парламента в Египте, в то время как президент М. Нагиб выступал за сохранение политических партий и парламента. В 1954 г. по решению Совета революционного командования М. Нагиб был отправлен в отставку, и фактическое руководство страной перешло к Гамалю Абдель Насеру, который спустя два года занял пост президента республики.

Процесс принятия решений во время президентства Г. А. Насера отличался чрезмерной централизацией, фактически замыкался на нем самом, при этом усугублялся профессиональной некомпетентностью политической элиты, основу которой составляли военные офицеры.

С укреплением авторитарного режима, который установил Г. А. Насер, будучи противником демократии, в руководстве страны из его

бывших соратников в «Свободных офицерах» остались лишь будущий президент А. Садат и Х. Шафи⁵, в то время как в политическую элиту начали входить военные и гражданские лица, отличившиеся особыми заслугами перед президентом и продемонстрировавшие свою преданность ему. В число этих людей попал и будущий президент Египта Хусни Мубарак, который в 1962 г. был назначен на должность начальника штаба ВВС Египта.

Таким образом, верхушка правящей до недавнего времени элиты Египта была сформирована еще полвека назад.

После смерти Г. А. Насера в 1970 г. на должность президента республики был избран Анвар ас-Садат, который вместе со своим предшественником создавал организацию «Свободных офицеров», а после революции 1952 г. занимал различные государственные посты, начиная от председателя Национального собрания и заканчивая вице-президентом республики.

А. Садат имел противоположные Г. А. Насеру политические взгляды и в своей внутренней и внешней политике пытался уйти от идей арабского национализма и панарабизма своего предшественника. В 1971 г. Объединенная Арабская Республика, которая на тот момент уже существовала в границах Египта, была вновь переименована в Арабскую Республику Египет, а преданные последователи идей Насера были арестованы в ходе Майской исправительной революции, во время которой А. Садат также отстранил от власти группу высших должностных лиц во главе с вице-президентом Али Сабри, который пришел к власти в 1962 г. в должности председателя Исполнительного совета Объединенной Арабской Республики.

Во время правления Садата в правящую элиту Египта вошли представители бизнес-структур, число которых значительно увеличилось. «Если до революции 1952 г. в Египте было всего четыре миллионера, то в 1975 г. их насчитывалось уже 500»⁶. Кроме того, наблюдалось сращивание политической сферы с частным бизнесом, немаловажную роль при входе в правящие элитарные круги стали играть и родственные связи.

Но главной опорой режима все равно оставалась армия, которая становилась все большей поддержкой для Садата по мере роста напряженности в стране в связи с его политически курсом.

В 1975 г. А. Садат, испытывая острую нужду в поддержке армии, выдвинул в состав высшего правящего эшелона на должность вице-

президента Хосни Мубарака, который пользовался большим авторитетом в военных кругах и у египетского народа в целом.

За шесть лет работы в должности вице-президента Х. Мубарак приобрел хороший политический опыт и был готов выполнять функции главы государства, которые были возложены на него в 1981 г. после гибели А. Садата.

В эпоху президентства Х. Мубарака механизмы рекрутирования политических элит несколько отличались от тех, которые господствовали во времена его предшественников. К власти начали постепенно приходить профессионалы, получившие соответствующее образование в лучших университетах Египта или за рубежом и последовательно проходящие все ступени карьерной лестницы⁷.

При правлении Х. Мубарака немаловажную роль в распределении государственных постов стала играть конфессиональная принадлежность. Так, в составе правительства как минимум один министр был коптом (например, Юсеф Бутрос-Гали, будучи коптом, с 1993 г. занимал различные министерские посты — от государственного министра по международному сотрудничеству до министра финансов; представителям коптского населения также отводились места в политбюро (6 человек) и генсекретариате правящей Народно-демократической партии, в которой была выделена квота для христиан).

Однако механизмы личной связи и патронство продолжали оставаться важным фактором при распределении государственных должностей и вхождении в политическую элиту страны.

В феврале 2011 г. Хосни Мубарак под давлением широкомасштабных народных волнений был вынужден подать в отставку. В нарушение статей 82 и 84⁸ Конституции Арабской Республики Египет, принятой еще 11 сентября 1971 г., Х. Мубарак не передал власть ни вице-президенту Омару Сулейману, ни председателю Народного собрания, а отдал власть в руки Высшего совета Вооруженных сил, во главе которого стоял министр обороны Мохаммад Хусейн ат-Тантауи.

Однако причиной отставки президента стало не только народное недовольство политикой государства, важную роль в этом сыграли именно отношения Х. Мубарака с политической элитой страны, прежде всего охлаждение взаимоотношений президента с новым составом военной элиты, которая получила образование за рубежом, прежде всего в США. По своему менталитету новая военная элита была далека от

прежней элиты, которую составляли бывшие соратники Хосни Мубарака — офицеры-ветераны войн с Ливией и Израилем.

Достаточно любопытным фактом стало то, что у Хосни Мубарака фактически не было преемника, что было странным, нетипичным явлением для арабо-мусульманских стран. Многие достаточно долгое время считали, что наследником станет сын Мубарака — Гамаль. Однако Х. Мубарак не смог передать ему власть, и здесь немаловажную роль сыграло отсутствие связей Гамала Мубарака с военной элитой.

После отставки президента Х. Мубарака власть в стране перешла в руки Высшего совета Вооруженных сил, который временно управлял страной с февраля 2011 г. по июнь 2012 г. До этого орган, который был создан еще в 1952 г. для координации деятельности египетских войск в период чрезвычайных ситуаций, подчинялся президенту и фактически не занимал ключевых позиций в политической элите Египта.

Придя к власти, военные, однако, первоначально сохранили последний состав правительства Х. Мубарака во главе с Ахмедом Шафиком, которого они приняли в члены Совета, и он формально занял пост исполняющего обязанности премьер-министра.

Говоря о современной элите Египта, нельзя не упомянуть о религиозной элите, прежде всего представителях исламистских движений, которые впервые стали важной, если не ключевой частью политической элиты страны.

В результате переворота в Египте представителям исламистских движений удалось после долгих усилий попасть в новые элитарные круги. Исламская идеология исходит из того, что на основе принципов ислама можно построить всеобъемлющую систему, которая может иметь место во все времена и в любой стране, и что ее принципы, столь яростно отстаиваемые исламистами, могут лечь в основу новой государственности для удовлетворения чаяний арабского народа, который долгое время находился под правлением несменяемой политической элиты⁹.

Среди многочисленных исламистских движений отдельное внимание заслуживает движение «Братья-мусульмане», представители которого долгое время стремились попасть в правящие элитарные круги Египта и укрепить свои позиции в стране. В 1954 г., после провальной попытки убийства президента Г. А. Насера, деятельность организации была поставлена под запрет, ее члены подверглись жестким репресси-

ям, однако некоторым лидерам удалось бежать и скрыться в Саудовской Аравии, где они в 1955 г. основали штаб-квартиру организации.

«Братья-мусульмане» и представители других исламских движений вернулись в Египет по инициативе президента Анвара ас-Садата, который надеялся, что с их помощью ему удастся ослабить позиции противников—последователей Г. А. Насера. Однако сближение А. Садата с Израилем настроило исламистов против него, и они развязали открытую борьбу с президентским режимом. В октябре 1981 г. президент был убит представителями исламских фундаменталистов во время военного парада по случаю годовщины Арабо-израильской войны 1973 г.

Хосни Мубарак, придя к власти, начал жесткую борьбу с исламистами, но, несмотря на это, с 1984 г. представители «Братьев-мусульман» получали государственные посты, принимая участие в парламентских выборах. Их организация продолжала находиться под запретом, поэтому ее представителям ничего не оставалось делать, как принимать участие в выборах либо в качестве «независимых» кандидатов, либо баллотироваться от официально зарегистрированных партий.

Неким сдерживающим фактором прихода исламистов к власти была Конституция Египта 1971 г. Конституция провозглашала многопартийность, однако запрещала какую-либо политическую деятельность и создание партий на основе религии и ссылок на религию¹⁰. Выдвижение кандидата на пост президента могло быть осуществлено только зарегистрированной политической партией, с момента основания которой прошло не менее 5 лет, причем кандидат должен был состоять в партийном руководстве не менее года. Данная формулировка, одобренная в 2007 г., лишала «Братьев-мусульман» возможности выдвигать своих кандидатов на пост президента. И, наконец, если до 2007 г. в Народное собрание кандидаты избирались по мажоритарной системе (340 человек), то в 2007 г. был осуществлен переход от мажоритарной системы к мажоритарно-пропорциональной системе выборов (по пропорциональной — по партийным спискам, по мажоритарной — в одномандатных округах), что увеличивало число депутатов от партий и уменьшало число независимых депутатов и стало прямым ограничением электоральной активности «Братьев-мусульман», которые, как уже было сказано, были лишены возможности зарегистрироваться в качестве партии¹¹.

Однако в апреле 2011 г. после революции в Египте «Братьям-мусульманам» удалось зарегистрировать свою «Партию свободы и справедливости», которая получила большинство мест в парламенте по итогам выборов в декабре 2011 г. В июне 2012 г. председатель партии Мухаммед Мурси победил на президентских выборах.

Таким образом, в результате революции в политической элите Египта столкнулись представители двух ключевых элит — военные и исламисты.

Арабские исследователи сходятся в том, что военная элита сама подтолкнула исламские сообщества принять участие в переходном периоде страны¹². Египетская военная элита, будучи составляющей частью политической элиты страны более 50 лет, признала победу М. Мурси в качестве попытки не допустить кровопролития и новой дестабилизации положения в стране. Спустя пару недель после избрания египетский президент Мохаммед Мурси начал укреплять позиции «Братьев-мусульман» во власти, оттесняя военную элиту на второй план: он разорвал негласные договоренности с Высшим военным советом, отправив в отставку министра обороны Мохаммеда Хусейна ат-Тантауи, который временно осуществлял руководство страной, и ряд других представителей военного руководства.

Исламисты воспользовались достаточно неустойчивым демократическим климатом в стране и начали проводить свой политический курс на основе законов, близких к законам шариата¹³.

Таким образом, до прихода к власти «Братьев-мусульман» Египет с середины 1950-х годов десятилетиями наследовал качественный состав политической элиты, которая переходила от эпохи Гамалы Абдель Насера к Анвару ас-Садату, и затем Хосни Мубараку. Однако революция «арабской весны» и приход представителей исламистских движений в политическую элиту Египта не только ознаменовали собой смену правящей элиты, но и обозначили перспективы дальнейшей смены политического устройства Египта.

¹ Гаман-Голутвина О. В. Определение основных понятий элитологии // Полис. 2000. № 3. [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.i-u.ru/biblio/archive/gamangolutvina_oprosnponelitol/.

² См.: Idris Lakrini. An-nuhbatu as-siyasiyatu al-arabiya. Shar'inatu al-auda' am intisar li-t-tahyir [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.aljazeera.net/NR/exeres/9E9A9F28-75EB-44FF-8312-2D4A7C4B9D17.htm>.

Особенности формирования правящих элит стран Арабского Востока...

³ Идея о том, что в обществе существуют люди, которые стоят выше остальных представителей общества, а соответственно ближе к Богу, развивалась преимущественно мистиками и шиитскими школами. Представители элиты зачастую наделялись сверхъестественными способностями, различались между собой по степени близости к Богу, посвященности в религиозные тайны, способности понимать сакральные тексты и т.д.

⁴ В 1936 г. между Египтом и Великобританией был достигнут Англо-египетский договор, согласно которому Великобритания вывела свои войска из страны, за исключением войск, которые дислоцировались в зоне Суэцкого канала и оставались там до 1956 г.

⁵ См.: *Борисов А. Б.* Политическая элита Египта: пути эволюции // Политическая элита Ближнего Востока. М., 2000. С. 27.

⁶ *Борисов А. Б.* Политическая элита Египта: пути эволюции. С. 28.

⁷ Так, пост премьер-министра в 1999–2004 гг. занимал Атеф Обейд, получивший образование в Каирском университете по специальности «торговля и менеджмент», защитивший в Илинойском университете диссертацию по менеджменту и сделавший карьеру, занимая различные должности, в том числе министра внутреннего развития и главы министерства планирования. Министр иностранных дел Египта Амр Муса (1991–2001 гг.) учился на юридическом факультете Каирского университета и прошел все ступени карьерной лестницы в области дипломатии.

⁸ См.: Конституция Арабской Республики Египет. Ст. 82, 84. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://worldconstitutions.ru/archives/61>.

⁹ См.: *Ali Abu Fatim M.* Ar-rabiu al'arabiy. Lebanon, Mediaworld, 2012. С. 84.

¹⁰ См.: Конституция Арабской Республики Египет. Ст. 5. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://worldconstitutions.ru/archives/61>.

¹¹ См.: Восток и политика: политические системы, политические культуры, политические процессы / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: Аспект Пресс, 2011.

¹² См.: *Ali Abu Fatim M.* Ar-rabiu al'arabiy. С. 84–85.

¹³ См.: Там же. С. 86.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ПОСТСОВЕТСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ

В транзитологии институциональный дизайн рассматривается в первую очередь с точки зрения процедурного подхода, т.е. институционализация является результатом рационального выбора и действий основных акторов или сделок, когда основные политические акторы договариваются о будущей институциональной структуре. При этом каждая политическая сила лоббирует ту конфигурацию институтов, которая будет способствовать продвижению ее ценностей и интересов, а демократический или недемократический результат этого рационального выбора может быть либо изначально спланированным, либо «побочным продуктом» выбора. Конституирование демократии, как принято считать, предполагает «институционализацию неопределенности», выбор определенных институтов и механизмов, через которые граждане будут участвовать в замене политических лидеров и элит. Выбранные «правила игры» (или «институциональный дизайн») и будут определять взаимоотношения между законодательной и исполнительной властями и полномочия основных институтов власти.

Оптимальным вариантом институционального дизайна для демократии, по мнению большинства политологов (Х. Линц, А. Лейпхарт, М. Шугарт, Х. Чейбуб, Дж. Кэри и др.), является парламентаризм или полупрезидентство со слабым президентом. Постсоветское политическое развитие подтверждает основные выводы сравнительных исследований.

Большинство постсоветских режимов выбрали президентские и полупрезидентские системы (табл. 1), и только парламентские Латвия и Эстония и премьер-президентская Литва были свободными в 2011 г. согласно Дому Свободы и Полития IV (табл. 2).

Таблица 1

Институциональные варианты постсоветских конституций

Парламентские	Президентские	Премьер-президентские	Президентско-парламентские
Молдова	Таджикистан	Литва	Россия
Латвия	Азербайджан	Украина (2)	Украина (1,3)
Эстония	Туркменистан	Кыргызстан (2,3)	Казахстан
	Узбекистан (1)	Армения	Узбекистан (2)
		Грузия (2013)	Беларусь
			Грузия
			Кыргызстан (1)

Таблица 2

Постсоветские политические режимы

Страна	Дом Свободы 2012	Полития IV
Армения	6/4	5
Азербайджан	6/5	-7
Беларусь	7/6	-7
Грузия	4/3	6
Казахстан	6/5	-6
Кыргызстан	5/5	2
Латвия	2/2	8
Литва	1/1	10
Молдова	3/3	8
Россия	6/5	4
Таджикистан	6/5	-3
Туркменистан	7/7	-9
Украина	4/3	6
Узбекистан	7/7	-9
Эстония	1/1	9

Президентские и парламентские системы являются двумя «чистыми» типами систем в матрице М. Шугарта, выделяемыми по двум критериям: истоки главы исполнительной власти (электорат или парламент) и ответственность главы исполнительной власти перед пар-

ламентом¹. Парламентаризму свойственны сосуществование и взаимозависимость исполнительной и законодательной властей, когда ни одна ветвь власти не может распустить другую без самороспуска, правительство не может «выжить» без поддержки парламентского большинства. Президентство, наоборот, характеризуется независимостью и разделением властей. Поэтому логика парламентаризма — сотрудничество и поиск компромисса между ветвями власти, логика президентства — постоянные конфликты между ними. Полупрезидентство менее президентства подвержено кризисам между ветвями власти, так как главным условием является поддержка правительства большинством в парламенте. М. Шугарт и Дж. Кэри выделяют два типа полупрезидентства: премьер-президентский с исключительной ответственностью правительства перед парламентом и президентско-парламентский — с двойной ответственностью правительства перед президентом и парламентом². Обе системы характеризуются наличием двойной структуры исполнительной власти, где премьер-министр зависим от парламента, и отличаются набором полномочий президента. Если в премьер-президентской системе и президент, и законодательное собрание могут играть определенную роль в формировании кабинета путем выдвижения или утверждения кандидатов на министерские посты, но лишь одна из ветвей власти уполномочена смещать министров, то президентско-парламентские системы предоставляют президенту и парламенту равные полномочия по смещению членов правительства. Наличие у парламента полномочий по формированию правительства означает, что исполнительная власть лишена независимых источников политической поддержки. Правительство формируется президентом, и если парламент и президент не достигнут компромисса по составу правительства, то парламент может выразить ему недоверие, после чего может последовать роспуск парламента. В этой неустойчивости и заключается основная проблема президентско-парламентской системы.

Критики выделяют следующие угрозы для демократии со стороны всенародно избранных президентов.

Во-первых, институту президентства присуща двойная легитимность, так как и президент, и парламент являются всенародно избранными. Защитники президентства считают наличие двух независимых

и легитимных акторов с четко определенными полномочиями главным достоинством президентства, так как такое разделение, согласно известному мнению Мэдисона, «защищает от тирании как со стороны меньшинства, так и большинства». Полупрезидентские системы могут столкнуться с проблемой двойной легитимности, однако она будет связана не с двумя ветвями власти (как в президентстве), а с двумя институтами (президент и парламент), так как в полупрезидентских системах исполнительной власти необходима поддержка парламента.

Во-вторых, президентская власть по природе своей мажоритарна и не обеспечивает должного представительства меньшинств, однако это является следствием выбора непропорциональной электоральной системы. Использование плюральной системы «Победитель получает все» в парламентаризме приводит к тому, что большинство будет одновременно контролировать обе ветви власти. В президентских системах власть «победителя» распространяется только на исполнительную власть. Мэдисон называл «сосредоточение законодательной и исполнительной власти в одних руках, независимо от того, предоставлена ли она одному или многим, по наследству, назначению или избранию... словом «тирания», и президентство должно было предотвратить тиранию. «Угрозы» президентства сводятся к отсутствию сотрудничества между президентом и парламентом и взаимоблокированию, для разрешения которого президент, возможно популист, обладающий всенародным мандатом и несущий персональную ответственность за политику правительства, часто не рассчитывающий на следующий срок по конституции, начинает использовать свои законодательные полномочия, вводит изменения по срокам и превращается в избранного диктатора. В большей степени угрозы президентства усиливаются при многопартийности. По мнению С. Мэйнуоринга, «проблема заключается не столько в президентстве или многопартийности, сколько в их сочетании»³.

Если в президентских системах могут быть только два варианта расстановки сил (правительство меньшинства или правительство большинства), то в полупрезидентстве можно выделить три варианта: во-первых, консолидированное большинство (президент, премьер и большинство в парламенте принадлежат к одной партии); во-вторых, разделенное большинство или сосуществование (только

премьер-министр обладает поддержкой большинства в парламенте); в-третьих, разделенное меньшинство (ни президент, ни премьер-министр не обладают поддержкой большинства в парламенте)⁴. Анализ баланса сил в постсоветских полупрезидентских системах показывает, что в большинстве стран расстановка сил демонстрирует ситуацию консолидированного большинства. Такая ситуация обладает наименьшим конфликтным потенциалом и соответственно риском превышения президентом полномочий, поэтому является оптимальной с точки зрения демократии. Такая ситуация возникает, если президент и парламентское большинство находятся на одной стороне идейно-политического спектра или президент является *de facto* лидером своей партии⁵. Ситуация сосуществования может привести к использованию президентом чрезвычайных или законодательных полномочий, особенно при слабом или оппозиционном парламенте, примером будут указы Ельцина, сосуществовавшего с коммунистическим парламентом. Разделенное правительство меньшинства в полупрезидентстве сочетает черты разделенного правительства в президентстве и правительства меньшинства в парламентаризме, поэтому эта ситуация наиболее проблематична для демократии, так как ведет к смене коалиций, правительств и превышению президентом своих полномочий⁶.

В-третьих, фиксированные сроки полномочий президента и парламента, отсутствие вотума недоверия правительству и права роспуска парламента делают кризисы между двумя ветвями власти неразрешимыми и создают ситуации взаимоблокирования, многие из которых разрешались неконституционным путем переворотов и автопереворотов. Единственным механизмом преодоления проблемы фиксированных сроков является импичмент, поэтому многие новые демократии пытались использовать его для устранения президентов, не нарушивших конституцию, но не обладающих поддержкой парламентского большинства, что также нарушало основные принципы демократии⁷. Только один постсоветский президент потерял власть в результате голосования по импичменту, и всего два президента проиграли выборы, в которых они участвовали. Отставка была наиболее распространенным способом потери власти — более 50% президентов потеряли власть в результате либо отставки, либо раскола в элите, либо как следствие мобилизации снизу (табл. 3).

Таблица 3

**Потеря президентской власти постсоветскими всенародно
избранными президентами**

Причина	Количество президентов
Не участвовал в выборах	3
Закончился конституционный срок	2
Проиграл выборы	2
Импичмент	1
Естественная смерть	1
Отставка (добровольная или вынужденная)	10
Всего	19

Фиксированные сроки могут рассматриваться и как гарантия стабильности исполнительной власти, однако если конституция не предусматривает продления срока президентских полномочий, то власти может лишиться компетентный президент. Из 12 постсоветских всенародно избранных президентов 3 преодолели конституционные ограничения с помощью референдумов, 4 трактовали конституционные положения о сроках в свою пользу (табл. 4). Сравнительные эмпирические исследования показывают, что ограничение сроков пребывания президентов у власти обеспечивает смену лидеров и партий и увеличивает шансы оппозиционных кандидатов, так как при участии в выборах действующего президента у оппозиции практически нет шансов, при участии преемника шансы оппозиции и власти примерно равны⁸. Действительно, в постсоветской политике только один лидер оппозиции смог стать президентом (табл. 5), и все преемники президентов обычно выигрывали выборы.

Таблица 4

Конституционные ограничения президентских сроков

Один срок	Два срока подряд	Два срока подряд + + варианты	Нет сроков
Кыргызстан (3)	Армения	Россия	Азербайджан
	Украина	Казахстан	Беларусь
	Литва	Узбекистан	Туркменистан
	Грузия	Таджикистан	
	Кыргызстан (2)		
	Кыргызстан (1)		

Биография президентов

Президент	Количество
Аутсайдер	1
Министр правительства	14
Лидер оппозиции	1
Политик СССР	14
Депутат	1
Всего	31

В-четвертых, президентские системы поощряют приход к власти не только популярных политиков, но и известных личностей, аутсайдеров и не имеющих политического опыта популистов. Постсоветские всенародно избранные президенты демонстрируют иную тенденцию. Только один из 31 президента может считаться аутсайдером, ранее не участвовавшим в политике или в выборах на государственном уровне. Двумя основными путями рекрутирования постсоветских президентов были либо партийные советские институты для первых президентов, либо правительство (см. табл. 3), т.е. они обладали политическим опытом.

В-пятых, институт президентства предоставляет президентам возможности для превышения своих полномочий и изменения стиля президентской политики. С точки зрения Х. Линца, президент «... будет рассматривать свою политику как отражение народной воли, а политику своих оппонентов — как злые козни, направленные на защиту узких интересов»⁹. Президенты (часто популисты) чувствуют свою персональную ответственность перед народом, поэтому решают проблему двойной демократической легитимности в свою пользу и, пользуясь фиксированным сроком своего мандата, начинают злоупотреблять властью и превышать разрешенные полномочия. При отсутствии поддержки парламентского большинства и при наличии у президента законодательных полномочий такие президенты могут перейти на «правление указами», что уменьшает значение парламента и усиливает роль президента. Г. О’Доннелл назвал такую модель демократии делегативной: только президент считает себя делегатом всего народа, ответственным перед народом, находящимся над партиями

и другими институтами, которые могут его ограничить. С точки зрения М. Шугарта и Дж. Кэри, указное право не всегда ведет к узурпации власти, но всегда является следствием других институциональных условий, таких как слабость партийной системы, отсутствие партийной дисциплины, конфликт с парламентом¹⁰. Причем главными сторонниками слабых партий и сильной исполнительной власти будут те разработчики конституции, которые ранее участвовали в недемократическом политическом процессе и сформировали определенную личную непартийную репутацию¹¹. С одной стороны, четырнадцать постсоветских президентов ранее участвовали в посттоталитарной политике в рамках советских партийных или представительных институтов, что подтверждает эту логику (см. табл. 5). С другой стороны, неравное соотношение сил в момент принятия постсоветской Конституции вело к тому, что возникшие политические институты ратифицировали это неравное соотношение. При этих условиях политические институты подстраиваются под конкретное лицо, партию, альянс и, обеспечивая им победу, консолидируют существующее распределение власти и соотношение сил. Неравное соотношение сил во многих бывших республиках СССР при доминировании акторов в элите привело к институциональному закреплению этого положения политических лидеров в политическом процессе, выбрав сильное президентство в президентских или президентско-парламентских системах.

М. Шугарт и Дж. Кэри проанализировали законодательные и незаконнодательные полномочия президентов в президентских системах и сделали вывод, что демократии, в которых президенты обладают большими законодательными полномочиями, могут со значительной вероятностью потерпеть крах. Таким образом, не президентство как таковое, а сильное президентство ставит под угрозу демократическое выживание, так как оно стимулирует конфликты между президентами и парламентами¹². Действительно, сильный в законодательном плане президент может перейти на правление указами, но для установления диктатуры указов необходимо, чтобы парламент использовал стратегию противостояния или полного соглашательства: при любых других стратегиях президенту придется сотрудничать с парламентом¹³.

Слабый в законодательном плане президент будет стремиться к сотрудничеству с парламентом. Однако здесь он может столкнуться

со следующей проблемой: отсутствием партийной дисциплины и стимулов к межпартийному сотрудничеству. Президентство не способствует укреплению партийной дисциплины, так как только парламентские партии не формируют правительство и не несут ответственности за его действия, а межпартийные коалиции формируются до президентских выборов и не являются обязывающими после выборов¹⁴. При отсутствии партийной дисциплины взаимодействие президента с парламентом переходит на индивидуальный уровень (что чревато появлением патрон-клиентских отношений и непредсказуемостью политического процесса). К ослаблению партийной дисциплины также ведут «назначения на министерские посты непартийных технократов, что может быть оптимально для президента в краткосрочной перспективе, но способно привести к отчуждению партий и парламента»¹⁵. Такая кадровая политика препятствует возможному сотрудничеству между ветвями власти.

Многие авторы следуют за Шугартом и Кэри и, изучая полномочия президентов в полупрезидентских системах, и приходят к выводу, что сильные президенты не подходят для демократии в полупрезидентских системах. Роупер, изучивший законодательные и незаконотательные полномочия президентов, считает, что «премьер-президентские режимы с большими президентскими полномочиями приводят к большей неустойчивости правительств, что может нарушить целостность политической системы»¹⁶. Р. Элджи делает вывод, что только системы с церемониальными президентами не создают препятствий на пути демократической консолидации¹⁷. Исследование индекса парламентских полномочий (ИПП) С. Фиша демонстрирует высокий уровень связи между ИПП и индексом демократии (ИД) Дома Свободы, что позволяет ему сделать вывод, что слабый парламент тормозит демократизацию, а для демократии больше подходит парламентская или премьер-президентская система¹⁸.

Рассмотрение полномочий постсоветских президентов подтверждает логику Шугарта и Фиша. Действительно, наихудшим рангом по уровню демократии обладают страны, в которых всенародно избранные президенты имеют большие законодательные и незаконотательные полномочия, а «демократическим результатом «революций снизу» было уменьшение президентских полномочий (рис. 1).

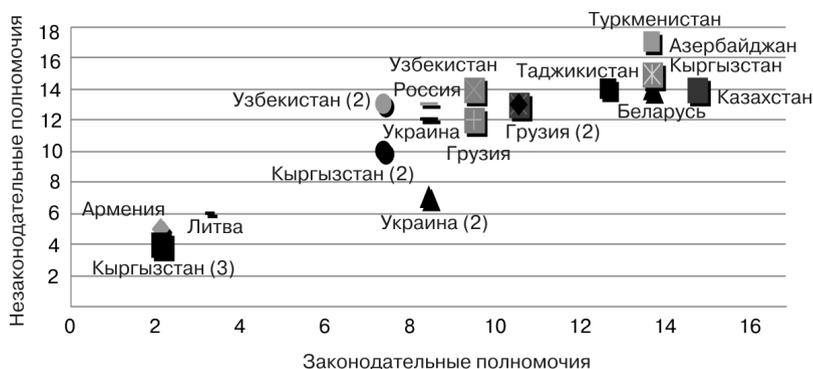

Рис. 1. Полномочия постсоветских президентов

Президентские (и полупрезидентские) системы возникают при следующих условиях: во-первых, при слабой партийной системе, во-вторых, при «наследовании» конституции прежнего недемократического режима; в-третьих, при необходимости укрепления исполнительной власти. Слабая партийная система, неразвитость партий способствуют персонификации партийных и, следовательно, государственных лидеров, поэтому это может способствовать установлению института президента, стоящего над партиями. В тех же странах, где партийные организации играют реальную, а не формальную роль, существуют условия для возникновения парламентских систем и усиления полномочий парламентов. Современные исследования показывают, что положение президентов «над партиями» ставит их в «стратегически невыгодное положение при мобилизации поддержки для своей политики»¹⁹. Непартийное президентство может негативно влиять на развитие партийной системы, необходимой для демократии: если президент стоит «над партиями», 50% членов полупрезидентского правительства не имеют партийной идентификации по сравнению с 9% при партийном президенте²⁰.

Как отмечал еще Ж. Блондель, «ни парламентаризм, ни президентство не могут решить проблемы страны, стремящейся создать плюралистическую систему и обладающей слабой партийной системой. Система двойного лидерства, наоборот, может обеспечить сочетание автономии и гибкости и создать условия для стабильного либерально-

го режима... Эта система не защищает от ошибок, но дает президенту независимое пространство и средства давления на парламент, например, роспуск и участие в правительстве»²¹. Полупрезидентские системы должны были преодолеть две возможные проблемы президентства: взаимоблокирование между законодательной и исполнительной властью вследствие их разделения и переход к диктатуре президента. В президентских системах первая проблема часто решалась за счет создания сильного поста президента, что и вызывало вторую проблему.

К институциональным же условиям распада демократии относятся фрагментированная партийная система, низкая партийная дисциплина и надпартийный институт президента, имеющего значительные полномочия в области законодательства. Поэтому, учитывая, что в новых демократиях обычно нет институционализированных партийных систем и президенты позиционируют себя над политическими партиями, полупрезидентские системы не являются хорошим выбором. Но в этом случае новая демократия распадается не из-за полупрезидентства, а вследствие других институциональных факторов.

¹ *Shugart M.* Semi-Presidential Systems: Dual Executive and Mixed Authority Patterns // *French Politics*. 2005. No 3. P. 326.

² *Shugart M., Carey J.* Presidents and Assemblies: Constitutional Design and Electoral Dynamics. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.

³ *Mainwaring S.* Presidentialism, Multiparty Systems and Democracy: The Difficult Equation // *Comparative Political Studies*. 1993. Vol. 26. P. 212.

⁴ *Skach C.* Constitutional Origins of Dictatorship and Democracy // *Constitutional Political Economy*. 2005. Vol. 16. P. 347–368.

⁵ *Shugart M.* Semi-Presidential Systems: Dual Executive and Mixed Authority Patterns // *French Politics*. 2005. No 3. P. 323–351.

⁶ *Skach C.* Constitutional Origins of Dictatorship and Democracy // *Constitutional Political Economy*. 2005. Vol. 16. P. 347–368.

⁷ *Dressel B., Boo-Seung Chang, F. Fukuyama.* Facing the Perils of Presidentialism? // *Journal of Democracy*. 2005. Vol. 16. No 2. P. 102–116.

⁸ *Maltz G.* The Case for Presidential Term Limits // *Journal of Democracy*. 2007. Vol. 18. No 1. P. 128–142.

⁹ *Линц Х.* Опасности президентства // *Пределы власти*. 1994. № 2–3. С. 3–24.

¹⁰ *Shugart M., Carey J.* Executive Decree authority. N.Y.: Cambridge University Press, 1998.

¹¹ *Shugart M.* The Inverse Relationship Between Party Strength and Executive Strength: A Theory of Politicians' Constitutional Choices // *British Journal of Political Science*. 1998. Vol. 28. P. 2.

¹² *Shugart M., Carey J.* Presidents and Assemblies: Constitutional Design and Electoral Dynamics. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.

Институциональные факторы постсоветских политических режимов

¹³ *Cox G. W., Morgenstern S.* Latin America's Reactive Assemblies and Proactive Presidents // *Comparative Politics*. 2001. Vol. 33. No 2. P. 171–189.

¹⁴ *Mainwaring S., Shugart M. S., Linz J.* Presidentialism and Democracy: A Critical Appraisal // *Comparative Politics*. 1997. Vol. 29. No 4. P. 449–471; *Cheibub J. A.* Minority Governments, Deadlock Situations, and the Survival of Presidential Democracies // *Comparative Political Studies*. 2002. Vol. 35. P. 284–312.

¹⁵ *Neto O.* Presidential Policy-Making Strategies and Cabinet Formation in Latin America's Presidential Democracies, 1946–1995. Mexico City, 2002. P. 19.

¹⁶ *Roper S. D.* Are All Semipresidential Regimes the Same? A Comparison of Premier-Presidential Regimes // *Comparative Politics*. 2002. Vol. 34. No 3. P. 269.

¹⁷ *Elgie R.* A Fresh Look at Semipresidentialism. Variations on a Theme // *Journal of Democracy*. 2005. Vol. 16. No 3. P. 98–112.

¹⁸ *Fish S.* Stronger Legislatures, Stronger Democracies // *Journal of Democracy*. 2006. Vol 17. No 1. P. 5–20.

¹⁹ *Baylis T.* Presidents Versus Prime Ministers: Shaping Executive Authority in Eastern Europe // *World Politics*. 1996. Vol. 48. No 3. P. 311.

²⁰ *Schleiter P., Morgan-Jones E.* Party government in Europe? Parliamentary and semi-presidential democracies compared // *European Journal of Political Research*. 2009. Vol. 48. — P. 679.

²¹ *Blondel J.* Dual Leadership in the Contemporary World / A. Lijphart (ed.). *Parliamentary Versus Presidential Government*. Oxford: Oxford University Press. P. 172.

СПЕЦИФИКА ПРОИЗВОДСТВА ОБЩЕСТВЕННЫХ БЛАГ НА УКРАИНЕ И В ГРУЗИИ В 1991–2012 ГОДАХ

Производство общественных благ, т.е. услуг, не предназначенных для целевой аудитории и оплачиваемых всем обществом целиком (посредством уплаты налогов), — один из основных признаков государства. Во-первых, они характеризуют статусность государства (*statehood*), позволяя отличать его от иных крупных субъектов политики: ТНК, глобальных НПО, наднациональных организаций, которые зачастую конкурируют с государством в сфере производства общественных благ (прежде всего медицинских, образовательных и менеджерских услуг). Законы и оборону «производит» *только* государство. *Преимущественно* государство «производит» общественную безопасность¹. Во-вторых, размер и качество общественных благ позволяют напрямую судить о степени государственной состоятельности. Ее эволюцию можно проследить при помощи анализа процесса производства общественных благ и верифицировать через измерение отдельных финансово-экономических показателей (доли налогов в доходах бюджета, ВНД на душу населения, структуры расходов бюджета относительно ВВП), а также посредством исследования отдельных институтов (эффективности государственных реформ, управленческой способности госаппарата, качественных характеристик армейских и полицейских сил).

За прошедшие 16 лет процесс сбора налогов на Украине был более стабильным, но в Грузии наблюдается положительная динамика. Разница за весь рассматриваемый период между экстремумами: на Украине — 8,5% (15,4–23,9%), в Грузии — 24,2% (3,3–27,5%), разница между показателями первого и последнего пунктов рассматриваемого периода на Украине составляет 0,3%, а в Грузии она дублирует разницу экстремумов (24,2%) (рис. 1). Это означает, что Украина практически не «выросла» по рассматриваемым показателям, тогда как для Грузии последние 10 лет были периодом интенсивного развития.

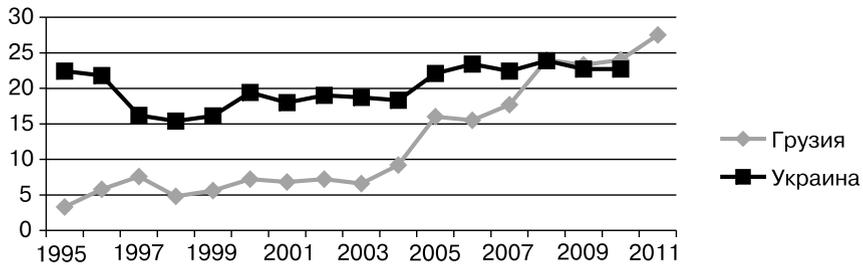

Рис. 1. Доля налогов в реальном ВВП Грузии и Украины в 1995–2011 гг., %

Источник: Национальные банки².

В части производства общественных благ Грузия в 1990-е годы значительно уступала Украине. Распад СССР оказался для грузинской экономики катастрофическим событием. Падение ее ВВП на 72,5% (1994 г.) по отношению к 1991 г. было наибольшим среди всех постсоветских государств. Тогда же начавшаяся украинская рецессия продолжалась вплоть до 1999 г. (максимальное падение ВВП наблюдалось в 1994 г. — 23% по отношению к предыдущему году, 54,7% — к 1991 г.).

Государственные институты в 1990-е годы в Грузии фактически самоустранились от процесса производства общественных благ (рис. 2). В частности, расходы на здравоохранение составляли 0,5–1% (1999–2002 гг.: самый низкий показатель в Европейском регионе ВОЗ), образование — 0,6–0,8% (1991–1999) ВВП. В то же время на Украине было возможным сохранять показатели по образованию и здравоохранению в 3,62–5,43% (1999–2002) и 4,5–5,4% (1999–2002) ВВП соответственно.

При анализе процесса производства общественных благ неизбежно выделяются четыре тенденции: милитаризация и бюрократизация Грузии, демилитаризация и «социализация» Украины. В течение двух десятилетий существования независимой Грузии расходы на здравоохранение и образование были стабильно низкими, на социальное обеспечение и госаппарат — стабильно высокими, на оборону — растущими (резко — после «революции роз»). После прихода к власти М. Н. Саакашвили процент расходов на оборону от ВВП превышал аналогичные показатели в образовании и здравоохранении в 2004 г. в 3 раза, в 2006 г. — соответственно в 2 и 3,5 раза, в 2009 г. — в 3,5 и 5 раз. На протяжении всей второй половины 2000-х годов Грузия была лидером СНГ по военным расходам по относительному значению⁴.

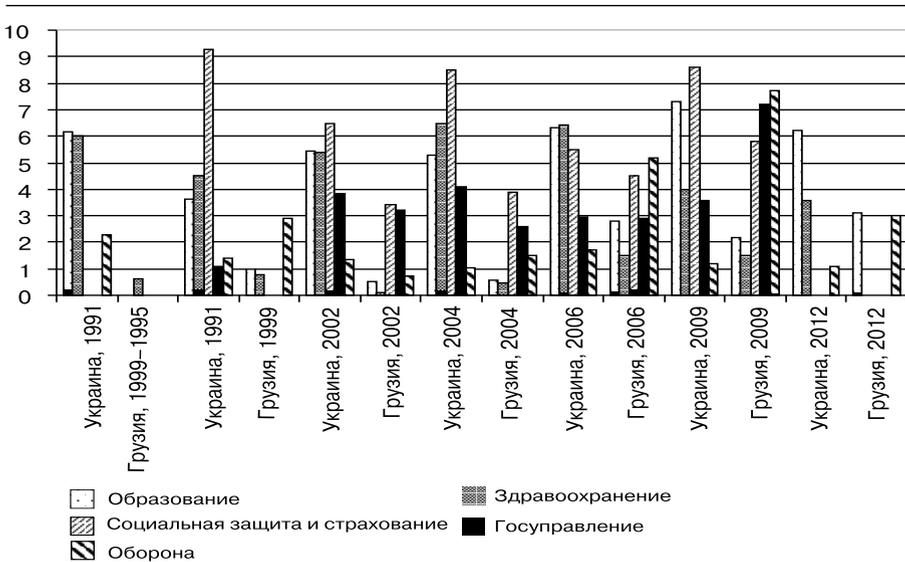

Рис. 2. Доля в ВВП расходов консолидированных бюджетов Украины и Грузии по отраслям, %.

Источник: Национальные службы статистики, министерства обороны, здравоохранения, пенсионные фонды, ПР ООН, Всемирный банк³.

Дополнительным стимулом милитаризации Грузии служили западные финансовые и человеческие ресурсы. США и НАТО начиная с 2002 г., особенно активизировавшись после августовской войны 2008 г., поставляли в Грузию военно-гуманитарную помощь, собственных инструкторов и вооружения. Военные грузинские расходы 2009 г. составили 40% всех расходов государства на оборону и безопасность⁵.

Отличительной чертой в целом крайне низкорасходного бюджета Грузии была весомая доля расходов на госаппарат (3,21% ВВП), до 2006 г. превышавшая долю средств на оборону, а в 2009 г. — расходы на образование и медицину, вместе взятые. Гигантские расходы на госаппарат (7,2% ВВП в 2009 г.) обусловлены кардинальными реформами, которые начал проводить Михаил Саакашвили после победы «революции роз».

Поддерживаемому Западом грузинскому правительству в 2004–2006 гг. удавалось привлекать в экономику составлявшие до 25% ВВП 2004 г. средства иностранной помощи. В середине 2000-х годов Грузия

начала выгодно использовать свою территорию, конвертировав геополитическое положение в доходы от транзита углеводородов по построенным магистральным трубопроводам, связавшим Турцию и каспийских экспортеров (нефтепровод Баку—Тбилиси—Джейхан открыт в 2005 г., «Южнокавказский газопровод» Баку—Тбилиси—Эрзурум — в 2007 г., еще в 1999 г. был открыт нефтепровод Баку—Супса).

На Украине, напротив, начиная с распада СССР наблюдается демилитаризация. От 2,3% ВВП в 1991 г. расходов на оборону данный показатель плавно опустился на прогнозный уровень в 1,1% в 2012 г. Значимый всплеск (1,7% в 2006 г.) наблюдался в середине президентства Виктора Ющенко, провозгласившего вступление в НАТО в качестве одного из основных трендов внешней политики и изменения стандартов внутренней. После официального отказа вступить в НАТО доля оборонных расходов вернулась на обыкновенный для Украины уровень — в районе 1% ВВП.

Параллельно демилитаризации шла экстенсивная «социализация» украинского государства, предполагавшая увеличение расходов на социальные нужды, что не соответствовало темпам роста ВВП. Украинская «социализация» составляла крайне высокие 8–9% ВВП (см. рис. 2) — особенно с учетом 3–7% на образование и 4–6% на здравоохранение. Чрезвычайная обремененность социальными выплатами — отдельная проблема украинской экономики: «...доля социальных расходов в совокупных расходах государства и в ВВП неуклонно росла... с 17% в 1999 г. до 27% в 2008-м»⁶.

Как и в Грузии, «за последнее десятилетие в Украине произошло значительное увеличение расходов расширенного правительства (бюджетной системы страны, Пенсионного фонда и фондов общего социального страхования). В 1999 г. их объем составлял 35,9% ВВП, в 2008 г. — 46,1%, что является рекордным показателем даже для стран Европейского союза»⁷.

Подобная государственная пенсионная политика не укрепляет государство и не повышает его состоятельности. Украинская система способствует воспроизводству патерналистской модели отношений населения и правительства, при которой государство вместо работодателя увеличивает пенсии гражданам.

В бюджетных расходах Украины, кроме социальных, значительно увеличились расходы на государственное управление — с 1,1% ВВП

в 1999 г. до 2,6% ВВП в 2008 г., а также расходы на общественный порядок, безопасность и судебную власть — с 1,4 до 2,9% ВВП. В этом Украина совершенно не сравнима с реформируемой президентом Саакашвили Грузией, где аналогичное увеличение доли в ВВП расходов на госаппарат сопровождается уменьшением количества госслужащих и улучшением качества их работы.

В сфере функционирования правовой системы и производства норм в обоих государствах очевидно осуществление избирательного правосудия. В Грузии периода первого срока президентства Саакашвили это было обусловлено необходимостью ликвидировать воров в законе. Не имея существующих легальных средств устранить «воровской мир», встроенный во властные структуры и частично подменяющий их, команда нового президента использовала государственные инструменты в отношении отдельных личностей, пытаясь предотвратить опасность для осуществления государственной власти, исходящую с их стороны. Аналогичным образом действовала администрация В. Ф. Януковича в принципиально иной ситуации, при помощи судебных институтов устраняя из публичной политики наиболее опасного политического конкурента. Если в Грузии в начале и середине 2000-х годов избирательность правосудия использовалась для устранения конкуренции с государством нелегальных и нелегитимных акторов, то украинский суд определял наказание в виде лишения свободы Юлии Тимошенко, легальному и легитимному субъекту украинской политики. Естественно, это подчеркивало силу и возможности новой президентской команды и слабость институтов госуправления на Украине.

В качестве отрицательных проявлений избирательности грузинского правосудия следует отметить случаи с бывшим министром обороны, а потом — экономики, Ираклием Окруашвили, израильским бизнесменом Рони Фуксом, миллиардером Бидзиной Иванишвили в его бытность оппозиционером, а также давление команды нового премьера Иванишвили на ключевые персоны команды президента Саакашвили. В настоящее время не важно, есть ли реальная почва под обвинениями в их адрес. Новая властная группа использует государственные механизмы (прежде всего суд) для борьбы с прежней, что делает грузинский политический процесс похожим на украинский.

В истории суверенной Украины случаи использования суда для борьбы с политическими конкурентами имели место независимо

от личности президента. В отношении оппозиционеров заводились уголовные дела, которые прекращались в случае их прихода к власти, и наоборот, когда властные персоны теряли посты, в отношении них заводились уголовные дела, в отдельных случаях они оказывались под арестом или в тюрьме. В 2000–2001, 2004, 2009 гг. подобные «перемещения в обе стороны» совершала Юлия Тимошенко сразу по нескольким уголовным делам (ЕЭСУ, газовые контракты с Россией). В 2004 г. — представители «донецкого» клана Е. П. Кушнарев, А. С. Ефремов, Б. В. Колесников, в 2005–2007 гг. — В. Ф. Янукович. В 2007 и 2012 гг. — Ю. В. Луценко (по трем уголовным делам). В апреле 2012 г. первый заместитель генпрокурора Украины Кузьмин сделал ряд громких заявлений в отношении Юлии Тимошенко. Если эти обвинения подтвердятся, основной политический противник президента Януковича получит пожизненное заключение.

В 2006–2007 гг., по сообщениям судей КС Украины ВР, секретариатом президента, Генпрокуратурой и СБУ на них оказывалось давление при рассмотрении указа президента Ющенко о роспуске ВР. В это время на Украине не было ни одного органа власти, которому доверяли бы все участники политического процесса. Суды были дискредитированы, ВР была объектом давления президента и правительства, сами они являлись политическими противниками, использующими в своей борьбе различные силовые и правовые структуры (МВД, подразделения спецназа, СБУ, ГУО, ГПУ, ВВ).

В 2008 г. президент Ющенко личным указом уволил судью Киевского окружного суда В. И. Келеберду за то, что последний принял к рассмотрению иск о новом обжаловании президентского указа об очередном роспуске ВР, а потом вообще ликвидировал данный орган судебной власти. Подобные действия противоборствующих сторон подчеркивали слабость судебной власти на Украине и неприятие основными политическими акторами «правил игры».

* * *

Несмотря на все успехи правительства М. Н. Саакашвили в повышении эффективности государственного управления, необходимо руководствоваться не только данными в рейтингах, которые показывают результаты, но не позволяют выявить причинно-следственные связи и издержки отображаемых ими успехов.

Реализовав крупнейшие инфраструктурные проекты в регионе (нефте- и газопроводы), с одной стороны, Грузия начала получать ренту, с другой — оказалась заложницей в любом противостоянии России, Ирана, не контролирующих данный маршрут транзита углеводородов, и Запада, по той же причине интересующегося им, что позволяло некоторым политологам пренебрежительно называть Грузию «территорией, по которой проходит труба», «дружественной транзитной территорией».

Результатом масштабной приватизации, ставшей одним из основных источников финансирования грузинских реформ, явилась потеря контроля государства над стратегическими предприятиями. Наиболее ярким проявлением сопротивления украинского государства внешним экономическим субъектам является сохранение единоличного контроля над ГТС. Последняя является объектом постоянного интереса со стороны «Газпрома», оказывающего давление на Украину эффективными инструментами.

После пятидневной войны с Россией Грузия начала осваивать 4,5 млрд долл., выделенных ей мировым сообществом, что, по оценкам Андрея Епифанцева составляет около 20% ВВП⁸. Эти деньги были потрачены на реформы, что позволяет сделать два важных вывода относительно динамики государственной состоятельности Грузии. Во-первых, государство стало достаточно сильным, чтобы распорядиться внебюджетными источниками дохода соответственно целям кредитования. Оно привлекательно в имиджевом плане (во многом благодаря PR-работе лично президента Саакашвили) для западных инвесторов, поскольку удачно эксплуатирует образ страны, в которой демократические и либеральные реформы в максимально короткие сроки привели к повышению благосостояния населения. Во-вторых, оно не в состоянии самостоятельно обеспечить материальную базу для этих реформ.

Рост доходной части грузинского бюджета, позволяющий расходовать во второй половине 2000-х все больше и больше средств на оборону, западные гранты и безвозвратные кредиты на закупку вооружений, моральная поддержка Михаила Саакашвили администрацией Джорджа Буша-младшего создали ложное впечатление того, что проблему сепаратистских территорий можно решить силой. Это и подтолкнуло грузинского президента начать агрессию в Южной Осетии в 2008 г., что в итоге привело и к ее потере, и к окончательной потере Абхазии. Таким образом, реформы Михаила Саакашвили оказались неоднознач-

ными. Они привели к нормализации управления на подконтрольной ему части территории и утрате контроля над 20% территории.

Украина, напротив, не являясь настолько же зависимой от финансовой, технической, кадровой и моральной поддержки Запада, после обретения суверенитета оказалась в состоянии консолидировать территорию и границы. На Украине не построили новых трубопроводов, но сохранили под национальным контролем старые, относительно успешно используя статус страны—транзитера углеводородов. Украина значительно уступает Грузии в борьбе с коррупцией, переоснащении сил правопорядка, повышении степени их легитимности, перевооружении армии.

Безусловный успех М. Н. Саакашвили — возвращение реальной власти в легальное пространство и разрушение «воровского мира». Остальные реформы Грузии имели краткосрочный эффект и долгосрочную неопределенность, зависящую во многом от внешнеполитических факторов и отношений западных партнеров и лидеров грузинского истеблишмента (Саакашвили—Иванишвили).

Грузия гораздо успешнее Украине в PR-поддержке своих реформ. Они преподносятся западному обывателю и соседям Грузии как образец торжества либеральных ценностей в экономике и политике и практической пользы при реализации этих ценностей — для государства, общества и отдельного человека. Основные проблемы государственной состоятельности в сфере производства общественных благ заключаются в том, что государство на Украине и в Грузии не способно обеспечить стабильное функционирование юридической системы, что приводит к избирательности правосудия и частым сменам «правил игры». Различия в социально-экономическом развитии состоят в том, что в Грузии крайне важен внешний фактор политического и финансового обеспечения реформ, а также имеет место зависимость исполнения финансовых обязательств государства от капиталов отдельных бизнесменов. На Украине существует тренд неоправданного расширения государства, не подкрепленного деньгами, заработанными собственной экономикой.

¹ Например, в России крупнейшие компании имеют специальные военизированные подразделения для охраны ведомственных объектов («Газпром», РЖД, Роснефть, Росатом).

² Main Macroeconomic Aggregates// Annual Report of the National Bank of Georgia 1998. URL: <http://www.nbg.gov.ge/uploads/publications/annualreport/2003/nbg7.2annualreport1998eng>.

pdf (дата обращения: 6.04.2012); Main Macroeconomic Aggregates // Annual Report of the National Bank of Georgia 2003. URL: <http://www.nbg.gov.ge/uploads/publications/annualreport/2003/nbg7.2annualreport2003eng.pdf> (дата обращения: 6.04.2012); Main Macroeconomic Aggregates // Annual Report of the National Bank of Georgia 2008. URL: http://www.nbg.gov.ge/uploads/publications/annualreport/2008/annual_report_2008_eng.pdf (дата обращения: 6.04.2012); INFLATION REPORT of the National Bank of Georgia Q1 2011. URL: http://www.nbg.gov.ge/uploads/publications/inflationreport/2011/axali_1quarter_eng_inflacia.pdf (дата обращения: 6.04.2012); INFLATION REPORT of the National Bank of Georgia Q2 2011. URL: <http://www.nbg.gov.ge/uploads/inflationreport/inflationreporteng2Q131011.pdf> (дата обращения: 6.04.2012); ЗАКОН УКРАЇНИ Про Державний бюджет України на 1995 рік. URL: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/Z950126.html (дата обращения: 6.04.2012); ЗАКОН УКРАЇНИ Про Державний бюджет України на 1996 рік URL: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/Z960096.html (дата обращения: 6.04.2012); ЗАКОН УКРАЇНИ Про Державний бюджет України на 1997 рік. URL: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/Z970404.html (дата обращения: 6.04.2012); ЗАКОН УКРАЇНИ Про Державний бюджет України на 1998 рік. URL: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/Z970796.html (дата обращения: 6.04.2012); ЗАКОН УКРАЇНИ Про Державний бюджет України на 1999 рік. URL: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T980378.html (дата обращения: 6.04.2012); ЗАКОН УКРАЇНИ Про Державний бюджет України на 2000 рік. URL: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T001458.html (дата обращения: 6.04.2012); FULFILLMENT OF THE CONSOLIDATED BUDGET OF UKRAINE // Annual Report of the National Bank of Ukraine 2001. URL: (дата обращения: 6.04.2012); Indicators of the Fulfillment of the Consolidated Budget of Ukraine in 2002 // Annual Report of the National Bank of Ukraine 2002. URL: (дата обращения: 6.04.2012); IMPLEMENTATION OF THE CONSOLIDATED BUDGET OF UKRAINE // Annual Report of the National Bank of Ukraine 2004. URL: (дата обращения: 6.04.2012); PERFORMANCE OF CONSOLIDATED BUDGET OF UKRAINE // Annual Report of the National Bank of Ukraine 2006. URL: (дата обращения: 6.04.2012); Table 8. FULFILLMENT OF THE CONSOLIDATED BUDGET OF UKRAINE // Annual Report of the National Bank of Ukraine 2008. URL: (дата обращения: 6.04.2012); Table 5. Fulfillment of the Consolidated Budget of Ukraine // Annual Report of the National Bank of Ukraine 2010. URL: (дата обращения: 6.04.2012).

³ Наиболее полные данные по госрасходам на образование и здравоохранение в процентном соотношении к ВВП представлены в индексах ПРООН, которая в свою очередь пользуется докладами Всемирного банка. Public expenditure on education (% of GDP) // <http://hdrstats.undp.org/en/indicators/38006.html> и Expenditure on health, public (% of GDP) // <http://hdrstats.undp.org/en/indicators/53906.html>. Однако зачастую эти данные не соответствуют данным национальных банков Грузии и Украины ни по абсолютным, ни по относительным показателям. В данной диаграмме мы использовали информацию из открытых источников национальных банков, государственных статистических служб, которые оказались наиболее релевантны друг другу: Table 8. FULFILLMENT OF THE CONSOLIDATED BUDGET OF UKRAINE // Annual Report of the National Bank of Ukraine 2008; В проекте бюджета-2012 на образование в Украине заложено 6,2% от ВВП — почти 93 млрд грн, — Табачник // <http://www.rbc.ua/rus/newsline/show/v-proekte-byudzheta-2012-na-obrazovanie-v-ukraine-zalozheno-15102011125100>; Основные показате-

Специфика производства общественных благ на Украине и в Грузии...

тели развития образовательной сферы Украины* // <http://www.ineko.com/articles/215>; Таблица 3.1. Динамика расходов на здравоохранение в 1999–2008 гг. // http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0011/152849/e94973R.pdf; Оборонный бюджет Украины на 2012 г составил 1,1% ВВП // <http://www.ua.rian.ru/economy/20120124/78971324.html>; За 2003–2010 гг. расходы на оборону стран на постсоветском пространстве составили 284,367 млрд долл. — российские эксперты // <http://www.defense-ua.com/rus/news/?id=36772>; *Бадрак В.* Профессионализация украинской армии под угрозой // http://zn.ua/POLITICS/professionalizatsiya_ukrainskoj_armii_pod_ugrozoy-24560.html; Угроза НАТО. Грузия увеличит расходы на оборону // <http://vz.ru/news/2011/11/24/541218.html>; Оборона важнее пенсий. В нестабильных странах СНГ расходы на армию опережают рост ВВП // http://www.ng.ru/cis/2008-01-23/9_army.html; Грузия обошла страны СНГ в гонке вооружений // <http://www.newsru.com/world/17mar2010/army.html>; Экономика Украины 1999–2008: потерянное десятилетие // http://perevodika.ru/articles/10180.html?sphrase_id=51441; *Олейников А.А.* Развитие мирового и украинского рынков образовательных услуг: тенденции и прогнозы на 2009 г. // <http://www.ineko.com/articles/215>; *Мухин В.* Милитаризация постсоветского пространства // <http://nindo.ru/index.php/joomla-license/2011-10-22-07-52-23/2011-11-03-16-41-11>; Таблица 4. Расходы государственного бюджета и чистое кредитование (2003–2009 гг.), млн лари // *Силагадзе А.* Современные финансовые и монетарные тенденции в Грузии. URL: http://www.ca-c.org/c-g/2010/journal_rus/c-g-1-2/06.shtml (дата обращения: 1.02.2012).

⁴ За 2003–2010 гг. расходы на оборону стран на постсоветском пространстве составили 284,367 млрд долл. — российские эксперты. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.defense-ua.com/rus/news/?id=36772> (дата обращения: 2.02.2012); *Мухин В.* Милитаризация постсоветского пространства. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://nindo.ru/index.php/joomla-license/2011-10-22-07-52-23/2011-11-03-16-41-11> (дата обращения: 2.02.2012).

⁵ *Григорьев Г., Кондратьев С., Салихов М.* Трудный выход из трансформационного кризиса (случай Грузии) // Вопросы экономики. 2008. № 10. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.sigma-econ.ru/.files/4217/grigoryev10-08.pdf> (дата обращения: 6.04.2012).

⁶ *Гец В. М.* Экономика Украины 1999–2008: потерянное десятилетие. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://perevodika.ru/articles/10180.html?sphrase_id=51441 (дата обращения: 6.02.2012).

⁷ *Гусев Г.* Украина признала угрозу банкротства [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.gazeta.ru/financial/2010/11/23/3443725.shtml> (дата обращения: 6.04.2012).

⁸ *Епифанцев А.* Реформы в Грузии. Анализ грузинских реформ. Применимы ли они в России? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/article23547.htm> (дата обращения: 6.02.2012).

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКАЯ МОДЕЛЬ ФЕДЕРАЛИЗМА: ОСОБЕННОСТИ И РИСКИ

Если характеризовать федеративную форму устройства в целом, то нельзя не отметить тот факт, что она представляется более сложной моделью по сравнению с унитарной. Федерализм является вынужденным и достаточно сложным выбором для государства, так как его поддержание более рискованно, осложнено созданием дополнительного властного уровня. В федеративном государстве может возникать больше потенциальных конфликтов, следовательно, существует угроза политических рисков для стабильности всего государства. Ю. В. Ким, к примеру, выделяет «идею федерализма» как «совокупность взглядов и представлений о гармоничном конституционном строе, базирующемся на собирательном и договорном началах союзного государства»¹. Принцип федерализма Ю. В. Ким определяет как «единство ключевых положений идеи федерализма»².

Все федеративные государства разные, каждое со своей историей, со своим путем становления и развития. У каждой федеративной модели есть собственная система рисков. Тот факт, что на протяжении достаточно долгого времени федеративная форма устройства в Латинской Америке сохраняется, указывает на то, что она является довольно прочной и укрепившейся в данном регионе.

В статье поставлена задача — просмотреть политические риски не на общем примере всех федеративных государств, а именно на примере латиноамериканских стран. В латиноамериканском федерализме в целом можно выделить несколько групп рисков.

Зависимость федеративных отношений от изменений политического режима. Весь период становления федерализма в странах Латинской Америки сопровождался политическими потрясениями, которые зачастую приводили к развязыванию гражданских войн. Вопрос о выборе формы территориального устройства изначально был тесно связан с вопросом власти, поскольку форма территориального устройства³ выбиралась в зависимости от победы

унитаристов или федералистов. Создание федераций на латиноамериканском континенте явилось длительным политическим процессом, сопровождавшимся частой сменой президентов и правительств, что отражалось и на форме территориального устройства той или иной страны, усиливая или, напротив, ослабляя признаки федерализма. Склонность к федерализации латиноамериканских государств была вызвана неспособностью центрального правительства управлять разобщенными регионами, разрешать внутривнутриполитические конфликты, стабилизировать социально-экономическое положение. Все эти факторы вынуждали идти на децентрализацию в форме федерации с целью сохранения целостности национальной территории и государственного единства. Иными словами, федерализация напрямую зависела от государственного режима: чем более демократичным был режим, тем больше развивалась идея федерализма, предполагавшая значительную самостоятельность субъектов федерации (штатов и провинций); периоды авторитарных же государственных режимов тормозили развитие федерализма, ограничивая самостоятельность субъектов. Необходимо отметить и тот факт, что развитию федерализма способствует стабильность политического режима, в противном случае сама идея федерализма ставится под угрозу.

Президентство. В президентских системах разделение властей осложнено. Это является затрудняющим обстоятельством, следовательно, происходит возрастание политических рисков. На латиноамериканском континенте была создана своя собственная модель «суперпрезидентской» республики, отвергающая систему «сдержек и противовесов» и ставящая законодательную и судебную власть в полную зависимость от исполнительной. Президентская власть в странах Латинской Америки носит особый характер, она специфична, как и вся система государственных органов, а ее функционирование тесно связано с традициями прошлого, а также с современными социально-экономическими и политическими условиям⁴. Полномочия президента по управлению государством и по регулированию федеративных отношений в данном случае являются гипертрофированными, создается фактически неконтролируемый другими органами институт президентства, что также оказывает непосредственное влияние на характер федеративных отношений и внутривнутриполитическую ситуацию в регионе в целом. При всех условиях президент как глава государства выступает

в роли высшего должностного лица — в этом качестве ему подчинен весь государственный управленческий аппарат⁵.

Федеральное принуждение. Одной из характерных особенностей механизма взаимоотношений «федерация — субъекты» в федеративных государствах Латинской Америки является необходимость применения федерального принуждения при разрешении внутрифедеральных конфликтов и споров, когда мирные способы не дают положительных результатов. Это является широко распространенной практикой в странах Латинской Америки, а одновременно и риском, и особенностью развития латиноамериканского федерализма. «Совершенно очевидно, что нарастание противоречий в федерально-субъектных взаимоотношениях не только чревато обострением внутривластной обстановки в самой федерации, но и может принимать специфический международно-правовой характер»⁶. Данный вид принуждения может иметь различные формы — от прямого вмешательства в компетенцию государственных органов субъекта до открытого силового решения с применением вооруженных сил. Необходимо отметить, что силовые методы решения внутривластных проблем были характерны для всей истории латиноамериканской федеративности. Институт федерального принуждения подразумевает усиление центральных органов власти при ослаблении полномочий субъектов федерации. Данный институт имеет довольно противоречивый характер, а сама система несет негативные последствия не только для обеих сторон (федерального центра и субъектов федерации), но и для всей федеративности в стране в целом. Разрешение внутрифедеральных конфликтов и споров с использованием принуждения может иметь положительный характер, разрешиться в пользу федерального центра, но на короткий промежуток времени и не разрешит сути кризисных ситуаций во взаимоотношениях «федерация—субъекты», а напротив, будет способствовать нарастанию противоречий на территории всей федерации. Федеральное принуждение со стороны центра по отношению к субъектам по сути нарушает принцип равенства и взаимодействия федерации и ее субъектов, фактически нарушая принципы правового и демократического государства. В связи с чем ставится вопрос об отмене института федерального принуждения как недемократической меры, наносящей ущерб функционированию гражданского общества, порой ликвидируя некоторые его

принципы. Прямое вмешательство в дела субъектов в странах Латинской Америки происходит по различным основаниям, применяется довольно часто, следовательно, можно говорить о недобросовестном использовании данного института.

Выделение субъектов федерации по территориальному принципу. Существует два принципа деления федеративного государства: по этническому принципу и по территориальному (как это происходит в большинстве случаев)⁷. Деление латиноамериканских государств на провинции (Аргентина) и штаты (Бразилия, Венесуэла и Мексика) происходит на основе территориального принципа. При территориальном делении сохраняется принцип симметрии, но при этом игнорируются интересы этносов, что часто приводит к возникновению конфликтов. Проблемы с коренным населением возникают в связи с тем, что у них нет представительства в органах власти, следовательно, нет и каналов воздействия на власть, что приводит к недовольству и возникновению конфликтных ситуаций.

Большие межрегиональные диспропорции. При введении федерализма в этом случае обостряется конфликт между донорами (теми регионами, которые формируют бюджет) и реципиентами, т.е. регионами, которым оказывают финансовую помощь. В латиноамериканских странах необходимо осуществлять большое перераспределение финансов и ресурсов в связи с тем, что есть бедные, а есть богатые регионы. Важно повысить консолидацию в обществе. Наиболее остро вопрос диспропорций просматривается в ресурсных государствах, таких как, например, Венесуэла с ее запасами нефти. При региональных диспропорциях возникает конфликт между донорами и реципиентами: бедные регионы требуют большего количества благ, богатые же считают, что их лишают возможности «поднимать» и развивать страну. Латиноамериканские федеративные государства, заинтересованные в получении голосов избирателей, проживающих преимущественно в доминирующих в территориальной структуре бедных районах, очень активно занимаются перераспределением. Таким образом, более слабые в экономическом плане регионы нуждаются в финансовой помощи со стороны власти, при этом регионы с более сильной экономикой осознают, что часть их средств перераспределяется слабым регионам, что приводит к недовольству первых.

Латиноамериканские федеративные государства (Аргентина, Бразилия, Венесуэла и Мексика) восприняли североамериканскую модель федерализма, но под воздействием факторов внутривнутриполитического характера, которых избежали другие федеративные государства, внесли в нее свои специфические черты, что на современном этапе фактически привело к образованию особой латиноамериканской модели федеративных отношений. В настоящее время эти черты проявляются наиболее наглядно в связи с переходом стран Латинской Америки на путь демократического развития. Необходимо отметить и тот факт, что какого-либо влияния на процесс формирования латиноамериканских федераций бывшие метрополии — Испания и Португалия — не оказывали. В целом система федерализма в латиноамериканских странах развивается неоднозначно, носит неустойчивый характер и определяется неустойчивостью самого государственного режима. Также одной из особенностей латиноамериканской модели федерализма является значительная централизация государственной власти и всей системы управления в целом, что отличает данную модель федерализма от европейской и североамериканской. На примере федеративных государств Латинской Америки видно, что в другом национальном контексте модель федеративных отношений работала бы по-другому, следовательно, у нее существовал бы другой баланс политических рисков.

¹ *Ким Ю. В.* Федеративная государственность: сущность, генезис, проблемы развития: Автореф. дисс. ... на соиск. уч. степени д-ра юр. наук. Тюмень, 2009. С. 8.

² *Ким Ю. В.* Указ. соч.

³ См.: *Андреева Г. Н.* Конституционное право зарубежных стран. М., 2005. С. 494. Конституционное (государственное) право зарубежных стран / Под редакцией Б. А. Страшуна. М., 2005. С. 794.

⁴ См.: *José López Potillo y Pacheco.* Génesis y teoría general del estado moderno. México, 1976. P. 343–350.

⁵ О взаимоотношениях президента и государственного аппарата см. подробнее: *Hector Rodolfo, Oriandi.* "El Poder Ejecutivo argentino y el federalismo". Buenos Aires. Bibliografica argentino, 1960.

⁶ *Мартынова М. Ю.* Федеральное вмешательство в зарубежных странах. М.: МГИМО, 2005.

⁷ *Игнатенко В., Штурнев А.* Российское избирательное право: Словарь-справочник.

О КРИЗИСНОМ УПРАВЛЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКИМИ ПРОЦЕССАМИ

По мере того как все большее количество самых различных экспертов в таких разнообразных направлениях обществоведения, как экономика, политология, социология, международные отношения и т.д., соглашались с тезисом о том, что современный мир переживает «серьезный системный кризис, тектонический процесс глобальной трансформации»¹, все более значительными выглядят расхождения в оценках ими природы этого процесса, его последствий, а также путей будущего развития. Возможно, происходящие в начале XXI в. всемирные массовые акции протеста — а отражение этого процесса, из соображений крайней политической корректности к существующему порядку вещей поименованного мировым экономическим кризисом, но уже в масштабе глобального мира?

Охватив различные по географическому положению, уровню экономического и особенностям политического развития страны от Украины, Египта, Алжира, Туниса до США и Испании, эти акции протеста оказали существенное влияние на политические процессы. В результате на Украине, в Грузии, Кыргызстане, Египте, Тунисе произошла смена власти, что дало повод некоторым средствам массовой информации характеризовать эти события как *революции — крайнюю форму политического процесса, связанную с разрешением кризиса власти*. Последнее дает основание причислять их не только к сопутствующим чертам «мирового экономического кризиса», но и к одному из факторов, определяющих характер мировой политики начала XXI в. Некоторые другие черты современных политических кризисов подчеркнул Президент России Д. А. Медведев в своем выступлении на Мировом политическом форуме в Ярославле: «Прогрессирующее имущественное расслоение, которое, может быть, было менее рельефным в условиях экономического роста, на фоне кризиса приводит к открытым конфликтам между обеспеченными и бедными людьми. Во многих регионах мира возрождаются вполне, на мой взгляд, экстремистские учения о клас-

совой борьбе, происходят уличные беспорядки и террористические акты, а кое-где идут и самые настоящие гражданские войны. Некоторые усматривают во всех этих явлениях признаки социального распада, деградации социальной структуры. Многообразие, о котором мы сейчас говорим, представляется бессмысленным хаосом, крахом национального единства и общественной солидарности. После этого следуют абсолютно нехитрые призывы применять силу, защищать традиционную культуру и нравственность и так далее. В то же время существуют и призывы абсолютно противоположного свойства. Они заключаются в том, чтобы минимизировать роль бюрократии, дать обществу развиваться исключительно на принципах самоорганизации, саморегулирования и самоуправления. Устранить государство вообще из общественной жизни. *Как реагировать государству? Каким должно быть государство сегодня, когда, по словам известного футуролога Элвина Тоффлера, политическая жизнь утрачивает черты массовости, а общество делится на тысячи и тысячи спорящих групп, каждая из которых яростно сражается за свои собственные узкие, зачастую временные интересы? Для нашей страны это очень важный вопрос* (курсив автора. — Т. Б.)»².

«...Вы предлагаете передать власть фактически в руки населения. Но вы знаете, очень много тысячелетий эта проблема была ключевой в общественных дискуссиях. В свое время так зародился буддизм: великий наследник одной из богатейших фамилий в Индии пошел в народ и ужаснулся, как плохо живет народ, и пытался ему помочь... Он не нашел ответа, и в результате родился буддизм, в котором ключевая идеология, которую он заложил, — это отказ от желаний. Он не увидел способа реализации этих желаний... Экономический способ производства, о котором мечтал Маркс, еще не реализовался, и поэтому нужно работать, и не факт, что каждый получит эту работу, и не факт, что каждый получит желаемую заработную плату, и не факт, что будет удовлетворен этим... И при этом если каждый человек сможет участвовать напрямую в управлении, что же мы науправляем? Великий министр юстиции Китая Конфуций начинал как великий демократ, а кончил как человек, который придумал целую теорию конфуцианства, которое создало страты в обществе, а великие мыслители, такие как Лао-цзы, придумали свои теории Дао, зашифровывая их, боясь донести до простого народа, потому что они понимали: как только все люди поймут основу своего «Я», самоидентифицируются, управлять, т.е. манипулировать

ими, будет чрезвычайно тяжело. Люди не хотят быть манипулируемыми, когда они имеют знания. В иудейской культуре каббала, которая давала науку жизни, три тысячи лет была секретным учением, потому что люди понимали, что такое снять пелену с глаз миллионов людей и сделать их самодостаточными... Любое массовое управление подразумевает элемент манипуляции: как жить, как управлять таким обществом, где все имеют равный доступ к информации, все имеют возможность получать напрямую непрепарированную информацию через обученных правительством аналитиков, политологов и огромные машины, которые спущены на головы, средства массовой информации, которые как бы независимы, а на самом деле мы понимаем, что все средства массовой информации все равно заняты построением, сохранением страт?» — задается закономерными вопросами по поводу требований протестующих модератор круглого стола «Выход из управленческого тупика: мудрость толпы или авторитарный гений» Петербургского международного экономического форума, председатель Сбербанка РФ Г. О. Греф³. Каким образом можно обобщить указанные вопросы политического управления в глобальном мире, учитывая, что на сегодняшний день верные и своевременные оценки происходящего являются фактором выживания — как отдельных людей, так и объединений государств — «в эпоху перемен»?

От протестных движений XX в. описанные события отличают общие свойства, связанные с тем, что происходят они в условиях глобализации, *объективным и утилитарным определением которой является возникновение мировой, всеохватной (global) инфраструктуры коммуникаций*. Под последней следует понимать формирование нескольких слоев мировой сетевой инфраструктуры:

- скоростного транспорта (*TGV*, «Интерсити экспресс», «Евростар», «Шанхайский маглев», связывающих пока отдельные мировые и региональные экономические центры);
- связи (например, Интернет — телефония «Скайп»);
- управления (*Glonass*), в том числе и всемирной системы объединенных компьютерных сетей, которая развивается наиболее динамично и служит физической основой для виртуального пространства.

В результате формирования глобальной инфраструктуры образуются противоречия, которые в значительной степени влияют на формирование конфликтов индивидуальных и групповых ожиданий

в обществах на пути к глобализации и одновременно способствуют самоорганизации массовых протестных движений в мире:

- между равным доступом к информации в глобальном виртуальном пространстве, и углублением неравенства в возможностях самореализации личности в различных обществах;
- между формированием глобальной транспортной сети, общемировой инфраструктуры связи и усугублением борьбы за пищевые, энергетические ресурсы, против узкой экономической специализации отдельных стран и политической регионализации.

Первой отличительной чертой массовых протестных движений эпохи глобализации начала XXI в. является то, что впервые в истории человечества площадкой для возникновения столь масштабных народных движений послужила не территория отдельного государства, а глобальное виртуальное пространство средств массовой информации, каналов мобильной связи и сети Интернет⁴, которое использовалось для разностороннего освещения реальных событий. Подобное пространство дает возможность одновременно сравнивать большое количество разнообразных источников информации и следить за событиями из любой части планеты «в режиме реального времени». Следовательно, масштаб любого события, как и количество потенциальных участников конфликта, результатом которого становится кризис власти, не ограничены ничем, кроме мировой аудитории Интернета и СМИ. В то же время одним из важнейших свойств виртуального пространства является то, что оно как цифровое средство передачи массовой информации приравнивает по значению информацию о событии с «реальным событием» в сознании тех, кто не являлся непосредственным участником произошедшего⁵.

Соответственно второй из характерных особенностей представляется высокая скорость самоорганизации⁶ различных групп людей с целью принципиальных изменений (что гораздо шире требований групповых интересов) политической системы вплоть до свержения государственной власти, — неожиданная как для ее представителей, так и для внешних наблюдателей⁷. В то же время для политического режима массовые выступления населения являются как минимум кризисом управления, когда среди управляемых и тех, кто ими управляет, одновременно возникает ощущение, что процессы, происходящие

в обществе, они больше не контролируют⁸. То, что в основе кризиса власти лежит неадекватность принципов управления складывающимся политическим процессом, демонстрируют признаки наступления революционной ситуации, которые описал В. И. Ленин в работе «Крах II Интернационала»:

- невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство; тот или иной кризис «верхов», кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов. Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы «низы не хотели», а требуется еще, чтобы «верхи не могли» жить по-старому;
- обострение выше обычного нужды и бедствий угнетенных классов;
- значительное повышение в силу указанных причин активности масс, в «мирную» эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых как всей обстановкой кризиса, так и самими «верхами» к самостоятельному историческому выступлению. Без этих объективных изменений, независимых от воли не только отдельных групп и партий, но и отдельных классов, революция — по общему правилу — невозможна⁹.

Наконец, третьей немаловажной чертой политических кризисов в ходе событий «цветных революций» и «арабской весны» выступает неудовлетворенность существующими отношениями и перспективами развития в обществе, готовность выйти на улицы ради достижения транслируемых мировыми СМИ идеалов, неважно — справедливости, демократии, более совершенного потребления и т.д. В отличие от описанной профессором политической социологии Парижского университета Морисом Дюверже (род. 1917 г.) традиционной партийной борьбы за власть в XX в. речь идет не о четкой программе действий, а о критике действий власти с позиции абстрактных идей. В подобной борьбе любые действия власти (будь то относительно благоприятные условия «жизни в кредит» в развитых демократиях или успехи режима Каддафи), всегда обречены на поражение. Таким образом, массовая протестная самоорганизация не только сохранила, но и усилила основную черту протестных движений прошлого века — «конфликт ожида-

ний», что привело к навязыванию идеалистического контекста публичным политическим процессам в обществе и общественным оценкам внутренней политики государства.

Ввиду максимализма последняя черта часто приписывается образованной молодежи¹⁰, поскольку организация общения в глобальной информационной сети предполагает определенный уровень образования и навыки владения компьютером. В виртуальном пространстве площадкой самоорганизации не согласных с декларируемой политикой с целью обмена информацией, организации общих мероприятий часто выступают в том числе и так называемые социальные сети. Вместе с тем повышение протестной активности и самоорганизацию молодежи с целью выступления против правящих режимов в социальных сетях нельзя объяснить свойствами общепринятого понятия социальной сети — как интерактивного многопользовательского сайта в сети Интернет, содержание которого наполняется самими участниками сети, что позволяет общаться группе пользователей, объединенных общим интересом. Эти явления также выходят за рамки современного понимания концепта социальных сетей (*social network*), введенного в 1954 г. социологом из «Манчестерской школы» Джеймсом Барнсом в работе «Классы и собрания в норвежском островном приходе»¹¹, как социальной структуры, состоящей из множества агентов — субъектов индивидуальных или коллективных (например, индивидов, семей, групп, организаций) и определенного множества отношений (совокупностей связей между агентами, например, знакомства, сотрудничества, дружбы, коммуникации)¹². Формы сетевой организации на основе горизонтальных связей при отсутствии единого директивного центра управлению присущи человечеству на протяжении всей истории.

В основе сети лежит прямое общение «по горизонтали» — в то время как лидерство проявляется в зависимости от ситуации. И то и другое обеспечивается тремя основными элементами, которые должны присутствовать в «сетевом социальном движении»:

- 1) общее коммуникативное пространство — каждый участник сети должен иметь любую необходимую информацию об организации, а также доступ к знаниям любого другого участника;
- 2) равенство и связанность участников для объединения и организации данных и сведений, обеспечивающие возможность включения в деятельность организации, независимо от личности¹³;

- 3) объединяющая идея или смысловой концепт — явным для всех является блок видения будущего, который задает контекст для совместной работы;

В случае ситуативного лидерства надо сделать поправку на то, что лидер обладает наиболее глубоким видением всех обстоятельств конкретной ситуации в прошлом и будущем и является выразителем идеи, а именно образа действий, в полной мере отвечающей интересам данной организации. Ввиду перечисленных выше условий формирования глобального постиндустриального общества организующая идея принимает форму именно образа, а не текста — т.е. имеет иную логику внутренней организации, которая задает собственные законы причинности и тем самым создает иное измерение взаимодействия государственных и общественных институтов. Для внешних наблюдателей процесс организации происходит «стихийно» (например, опережает по скорости реакции или не соответствует традиционной сценарной текстовой логике политических процессов эпохи печатного станка). Удачный образ будущего, оформляя уже существующую разницу каких-либо слоев общей реальности (прав людей, граждан государства, членов общества и т.д.) и в том числе между идеалами и действительностью («конфликт ожиданий»), становится информатором для воронки причинности, стягивающей и подчиняющей своему движению новые и новые ресурсы: сторонников, средства, время и т.д. (Схема подобной «воронки» для процесса демократизации проанализирована в работе: *Мельвиль А. Ю., Ильин М. В.* Методология «воронки причинности» как промежуточный синтез «структуры и агента» в анализе демократических транзитов // *Полис.* 2002. № 5.)

Общей чертой случаев массовой протестной самоорганизации является также и то, что в отсутствие образа будущего в качестве объединяющей идеи выступает «конфликт ожиданий». Последнее приводит к навязыванию идеалистического контекста публичным политическим процессам в обществе и их общественным оценкам. В указанных условиях воздействие на процесс массовой самоорганизации населения с целью урегулирования кризиса возможно только в случае предложения конкурентоспособной «идеи будущего», способной вытеснить «конфликт ожиданий» или изменить его структуру. При этом замена подобной «идеи будущего» с целью текущей стабилизации полити-

ческим институтом или сценарием, призванным обозначить наличие такой идеи в отдельном обществе, представляется малоэффективной в среднесрочном и долгосрочном периодах, поскольку вынуждена отражать процессы организации человечества в глобальном масштабе.

¹ Из статьи «Россия сосредотачивается — вызовы, на которые мы должны ответить» кандидата на должность Президента Российской Федерации В. В. Путина, опубликованной 16 января 2012 г. газетой «Известия»: izvestia.ru.

² Из текста выступления Президента России Дмитрия Медведева на Мировом политическом форуме в Ярославле». Источник: Дмитрий Медведев выступил на пленарном заседании Мирового политического форума // Президент России. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/news/12612> (дата обращения: 09.08.2011).

³ По материалам трансляции секции круглого стола «Выход из управленческого тупика: мудрость толпы или авторитарный гений» Петербургского международного экономического форума по каналу «Россия 24» с 09:00 до 11:00 22.06.2012 г.

⁴ Достаточно сравнить оценку событий разными политическими деятелями. Государственный секретарь США Хилари Клинтон в выступлении по поводу свобод в Интернете в Университете Джорджа Вашингтона сказала: «Интернет стал общественной площадкой XXI в.: городской площадью, классом, рынком, кафе и ночным клубом в мировом масштабе. Более двух миллиардов жителей планеты формируют и формируются посредством того, что происходит здесь... Люди, в особенности молодые люди, используют технологии связи, чтобы выразить свое недовольство, которое как мы знаем, помогло разжечь выступления, которые привели к революционным изменениям... В течение следующих 20 лет около 5 млрд людей присоединятся к сети. Именно они будут определять будущее». В оригинале: «The internet has become the public space of the 21st century — the world's town square, classroom, marketplace, coffeehouse, and nightclub. We all shape and are shaped by what happens there, all 2 billion of us and counting. And that presents a challenge... People, especially young people, found ways to use connection technologies to organize and share grievances, which, as we know, helped fuel a movement that led to revolutionary change... In the next 20 years, nearly 5 billion people will join the network. It is those users who will decide the future». — Internet Rights and Wrongs: Choices & Challenges in a Networked World // US Department of State, Remarks Hillary Rodham Clinton Secretary of State. 2011. February 15. URL: <http://www.state.gov/secretary/rm/2011/02/156619.htm> (дата обращения: 21.06.11). Сходную оценку событиям дает руководитель Центра ситуационного анализа при Отделении глобальных процессов и международных отношений Российской академии наук, академик Е. М. Примаков: «По-видимому, недооценили (и я в том числе) также влияние модернизации на общество в арабском мире, особенно на молодое поколение. Общение по Интернету, мобильным телефонам дало возможность «сорганизоваться» для выхода на улицу тем, кто негодовал по поводу бедности, безработицы, ущемления демократии, коррупции. Такая ситуация проявилась в Египте в самом начале событий» — *Примаков Е. М. Мысли вслух // Российская газета. 2011. С. 193.*

⁵ Явление, аналогичное эффекту монтажа в кинематографе. Под монтажом Эйзенштейн понимал совмещение изображений, которые «должны быть так выбраны из всех возможных черт внутри развиваемой темы, должны быть так выисканы, чтобы сопоставление их — именно их, а не других элементов — вызывало в восприятии и чувствах зри-

теля наиболее, исчерпывающе полный образ самой темы» См. подробнее: *Эйзенштейн С.* Сергей Эйзенштейн: Избр. произведения: В 6 т. Монтаж. М., 1968. С. 66. Попытки Л. В. Кулешова заключались, например, в том, что он соединял два куска пленки, зафиксировавшие идущих в разное время и в разных местах людей, и у зрителя создавалось впечатление их одновременного подхода друг к другу; либо монтировал один и тот же крупный план спокойного лица актера Мозжухина с планами «безотносительных» к нему предметов (тарелка супа или гроб), и зритель *сам* приписывал актеру соответствующую эмоцию (голод или скорбь). См. подробнее: *Кулешов Л. В.* Основы кинорежиссуры. М., 1941; *Лотман Ю.* Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин: Ээсти Раамат, 1973; *Лотман Ю., Цивьян Ю.* Диалог с экраном. Таллин: Александра, 1994.

⁶ В частности, руководитель Центра ситуационного анализа при Отделении глобальных процессов и международных отношений Российской академии наук, академик Е. М. Примаков в книге «Мысли вслух» утверждает: «Можно однозначно прийти к выводу, что массовые акции протеста, начавшиеся в Тунисе, охватившие Египет и распространившиеся на другие арабские страны, не были заранее организованы никакой политической силой, в том числе исламской» — Примаков Е. М. Мысли вслух // Российская газета. 2011. С. 191.

⁷ Там же. С. 192: «На начальной стадии события не были порождены также и извне. В США, кстати, возникли требования осудить разведслужбы, которые заранее не информировали Белый дом о надвигающемся взрыве в Египте... Сложилось однозначное впечатление, что столь массовые выступления против тех арабских режимов, которые считались надежными партнерами США, вызвали оцепенение в Вашингтоне». «Госсекретарь США Хиллари Клинтон потребовала от 260 глав американских дипломатических миссий, собравшихся на первую Глобальную конференцию послов в Вашингтоне, сократить количество письменных докладов и активнее пользоваться социальными сетями. По ее мнению, американские дипломаты просмотрели последние события в Египте, Тунисе и других арабских странах, потому что слишком увлекались составлением отчетов, забывая «выходить за стены посольств»...» Когда мы планировали эту встречу, то надеялись, что начало февраля будет спокойным, — признала она. — Но последние события на всем Ближнем Востоке показали, как быстро земля может уйти у вас из-под ног и насколько важно для нас сохранять лидирующие позиции в мире». До сих пор, считает госпожа Клинтон, многие посольства США недооценивали важность «гражданских сил», стоявших за «народными выступлениями в Египте и Тунисе». Если мы не научимся эффективно пользоваться этим инструментом, то вскоре потеряем наши позиции в мире», — предупредила госсекретарь. См. подробнее: *Белянинов К.* Американские дипломаты пойдут в народы // Коммерсантъ. 2011. 4 февраля. Ст. 5. Цитата в оригинале: «And as we see with what's going on today, recent events in Egypt and certainly in that broader region, remind us all how crucial it is to have top-notch leadership on the ground, and how quickly that ground can shift under our feet» — Global Chiefs of Mission Conference // US Department of State. 2011. February 2. URL: <http://www.state.gov/secretary/rm/2011/02/155870.htm> (дата обращения: 19.06.11).

⁸ Определение С. П. Никанорова, данное в устном разговоре.

⁹ *Ленин В. И.* Крах II Интернационала // Коммунист. 1915. № 1–2. С. 218–219.

¹⁰ В частности Государственный секретарь США Хилари Клинтон в выступлении по поводу свобод в Интернете в Университете Джорджа Вашингтона неоднократно подчеркнула первичность человеческого, а не технического фактора в указанных собы-

тиях: «В каждом отдельном случае люди протестовали из-за глубокой неудовлетворенности политическими и экономическими условиями своей жизни...Все это совершил не Интернет, а именно люди...Египет вдохновил людей не потому, что они общались, используя Твиттер. Вдохновляет то, что люди собрались вместе и настойчиво потребовали лучшего будущего... Мы не ставим на компьютеры или мобильные телефоны. Это ставка на людей». В оригинале: «In each case, people protested because of deep frustrations with the political and economic conditions of their lives... The internet did not do any of those things; people did... Egypt isn't inspiring people because they communicated using Twitter. It is inspiring because people came together and persisted in demanding a better future... People, especially young people, found ways to use connection technologies to organize and share grievances, which, as we know, helped fuel a movement that led to revolutionary change... This is not a bet on computers or mobile phones. It's a bet on people» — Internet Rights and Wrongs: Choices & Challenges in a Networked World // US Department of State, Remarks Hillary Rodham Clinton Secretary of State. 2011. February 15. URL: <http://www.state.gov/secretary/rm/2011/02/156619.htm> (дата обращения: 21.06.11).

¹¹ Barnes J. A. Class and Committees in a Norwegian Island Parish // Human Relations. 1954. No 7. P. 39–58.

¹² Губанов Д. А., Новиков Д. А., Чхартшвили А. Г. Социальные сети: модели информационного влияния, управления и противоборства. М.: Изд-во физико-математической литературы, 2010. С. 4.

¹³ Шадрин А. Е. Сетевая модель организации // Информационное общество. 2000. № 2. С. 86–88.

Об авторах

Бочкарев Тарас Владимирович — аспирант НИУ ВШЭ

Гаман-Голутвина Оксана Викторовна — доктор политических наук, профессор, заведующая Кафедрой сравнительной политологии МГИМО (У) МИД России, президент Российской ассоциации политической науки

Ильин Михаил Васильевич — доктор политических наук, профессор, заместитель декана по науке Факультета прикладной политологии НИУ ВШЭ, профессор Кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД России

Ирхин Юрий Васильевич — доктор философских наук, профессор, академик Академии гуманитарных наук РФ, профессор Кафедры политологии и политического управления Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Клочко Елена Андреевна — аспирант Кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД России

Кудряшова Ирина Владимировна — кандидат политических наук, доцент Кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД России

Окунев Игорь Юрьевич — кандидат политических наук, заместитель декана Факультета политологии, старший преподаватель Кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД России

Протопопова Наталья Сергеевна — аспирант Кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД России

Токарев Алексей Александрович — кандидат политических наук, научный сотрудник Центра глобальных проблем Института международных исследований МГИМО (У) МИД России

Харитоновна Оксана Геннадьевна — кандидат политических наук, доцент Кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД России

Научное издание

Материалы VII Конвента РАМИ

**СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ:
трансформация мирового порядка, региональных режимов
и государственности**

28–29 сентября 2012 г.

Формат 60×84¹/₁₆. Усл. печ. л. 7,0.

Тираж 500 экз. Заказ № ____

ЗАО Издательство «Аспект Пресс»

111141, Москва, Зеленый проспект, д. 8.

E-mail: info@aspectpress.ru; www.aspectpress.ru.

Тел.: (495)306-78-01, 306-83-71

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО (У) МИД России

119454, Москва, пр. Вернадского, 76

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Российская ассоциация международных исследований (РАМИ) является крупнейшей российской профессиональной ассоциацией в сфере междисциплинарных исследований, затрагивающих историю, теорию, региональные и многосторонние аспекты международных отношений. В РАМИ на протяжении уже пятнадцати лет участвуют представители более чем 200 российских университетов и исследовательских центров, а также представители экспертного сообщества из стран СНГ, Балтии и ЦВЕ. РАМИ входит в состав Всемирного комитета по международным исследованиям (WISC), регулярно организует свои сессии в рамках североамериканской Ассоциации международных исследований (ISA).

РАМИ ставит перед собой задачи поддержания высокого профессионального уровня исследований и преподавания международных отношений и мировой политики в России, а также развития профессиональных контактов с международными ассоциациями. РАМИ способствует налаживанию неформальных контактов между представителями политической и научно-исследовательской элиты и проведению консультаций в сфере мировой политики и международных отношений.

Президентом РАМИ является ректор МГИМО (У) МИД России, академик РАН А. В. Торкунов. Главный исполнительный орган РАМИ — Руководящий совет, в его состав входят 29 директоров исследовательских программ.

Конвенты РАМИ, проходящие каждые два года, регулярно собирают около 1000 российских и зарубежных участников. 28–29 сентября 2012 года в МГИМО (У) МИД России состоялся седьмой по счету Конвент РАМИ на тему «Внешнеполитические ресурсы модернизации: возможности и пределы международного контекста». В рамках Конвента проведены два пленарных заседания, 23 секции, 3 круглых стола, заседание Клуба послов государств–соседей России, а также ряд выставок и презентаций организаций–партнеров РАМИ.

Исполнительная дирекция РАМИ

Тел.: +7 (495) 434-91-63

www.risa.ru | risa@inno.mgimo.ru

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

**Состав Руководящего совета Российской ассоциации
международных исследований**

Президент РАМИ

Анатолий Васильевич Торкунов

Программа глобальных исследований

Александр Александрович Дынкин

Владислав Леонидович Иноземцев

Программа европейских исследований

Марк Львович Энтин

Алексей Анатольевич Громько

Андрей Павлович Клемешев

Программа американских исследований

Татьяна Алексеевна Шаклеина

Виктор Александрович Кременюк

Программа евроазиатских исследований

Андрей Владимирович Загорский

Ирина Доновна Звягельская

**Программа мирополитических исследований и изучения
деятельности негосударственных акторов**

Марина Михайловна Лебедева

Павел Афанасьевич Цыганков

**Программа исследований в области теории международных
отношений и сравнительной политологии**

Татьяна Александровна Алексева

Андрей Юрьевич Мельвиль

Программа исследований истории международных отношений

Ефим Иосифович Пивовар
Михаил Матвеевич Наринский

Программа взаимодействия с исследовательскими центрами и регионами

Андрей Вадимович Картунов
Виктор Анатольевич Кокшаров

Программа азиатско-тихоокеанских исследований

Алексей Дмитриевич Воскресенский
Сергей Геннадьевич Лузянин

Программа ближневосточных исследований

Виталий Вячеславович Наумкин
Олег Алексеевич Колобов

Программа энергетических исследований

Нодари Александрович Симония
Валерий Иванович Салыгин

Программа исследований в сфере международной политической экономики

Светлана Павловна Глинкина
Николай Петрович Шмелев

Программа международно-правовых исследований

Геннадий Петрович Толстопятенко
Александр Николаевич Вылегжанин
Дмитрий Владимирович Иванов

Программа цивилизационно-культурных исследований

Алексей Викторович Шестопад
Галина Мирославовна Лесная

Исполнительный директор РАМИ

Артем Владимирович Мальгин

Ответственный секретарь РАМИ

Марина Сергеевна Василевская